

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

№ 10. ^{Ок}ОКТАБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУАРА ДА ПРАСА

1862

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЪ

БЪГУНЫ

Формы имперіи, какія далъ народному и государственному складу Россіи Петръ великій, радикально измѣнили на все послѣдующее время внутренній, историческій, созданный свободнымъ бытомъ народнымъ составъ и строй русскаго земства. При Петрѣ возвелось до апотеозы московское единодержавіе. «Росписаніе Россіи на губерніи и провинціи изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета Петра великаго», разрушило естественную, колонизаціонную, историко-этнографическую основу федеральнаго областного земскаго строенія и дѣленія. Учрежденіе высшихъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ окончательно уничтожило гражданскую и духовную юридическую самобытность областей, слабыя признаки которой еще сохранялись отчасти и въ XVII вѣкѣ. Изданіе регламентовъ, инструкцій и уставовъ сглаживало все разнообразіе и стѣсняло, исключало всякую свободу естественнаго, юридическаго, экономическаго, умственнаго и нравственнаго саморазвитія областного земства, устанавливая для него, безъ всякаго отношенія къ разнообразію мѣстныхъ условій, однѣ общія нормы или регулы. Ревизія душъ была завершительнымъ актомъ разложенія исторической организаціи земскаго міра и сословнаго, бюрократическаго, централизаціоннаго строя государства, въ формѣ имперіи всероссійской. Она, во первыхъ, каждую личность прикрѣпляла къ имперіи, записывая каждую душу въ государственную «переписную книгу»; во вторыхъ, раскалывала такъ-сказать цѣльный общинный составъ, организмъ земства на сословныя касты, крѣпостныя, служилыя и податныя, военно-духовно-гражданскія. Вотъ главные начала, которыя по волѣ Петра великаго, въ самыхъ основахъ преобразовывали земство на разныя сословія имперіи, и которыя, потому во многихъ отношеніяхъ болѣзненно отозвались

въ земствѣ на все послѣдующее время. И вотъ причины, почему общинно-демократическія согласія раскола, поднявши народную оппозицію противъ реформъ Петра великаго, оппозицію недовольнаго земства противъ шведско-нѣмецкихъ формъ тогдашней имперіи, съ самаго начала возстали и доселѣ возстаютъ главнымъ-образомъ противъ всѣхъ указанныхъ началъ государственности. И съ тѣхъ поръ и донынѣ свою историко-догматическую полемику они ведутъ обыкновенно со времени Петра I, такъ что каждое историко-обличительное сочиненіе Фелосѣенцевъ, Бѣгуновъ начинается или все наполняется обыкновенно бранью «антихриста, ежесть Петра I» и отрицаніемъ всѣхъ его государственныхъ учреждений: сената, синода, регламентовъ, ревизіи душъ, подушной подати, раздѣленія челобѣкъ на чины или табели о рангахъ и т. д. Изъ этихъ основныхъ началъ народно-бытовой оппозиціи демократическія общины раскола развивали все свое историко-оппозиціонное ученіе.

Ревизія душъ была камнемъ преткновенія или главнымъ разъединяющимъ началомъ для земства, и потому сопровождалась особеннымъ развитіемъ раскола въ земствѣ. Эпоха первыхъ двухъ ревизій, 1718 и 1742 года, характеризующаяся тяжелой для народа постройкой имперіи, была временемъ самаго болѣзненнаго и напряженнаго хаотическаго движенія податныхъ, служилыхъ и крѣпостныхъ массъ народа. Въ это время въ нихъ сильно развивался духъ отрицанья, и выражался хаотическимъ, безволевымъ броженіемъ и бѣгствомъ отъ службы, отъ податей, отъ крѣпостного рабства, бѣгствомъ изъ самой имперіи, за границу. Эпоха слѣдующихъ двухъ ревизій, 1762 и 1782 годовъ, когда начался поворотъ къ установкѣ, къ образованію русскаго сословно-разъединеннаго общества, ознаменовалась въ исторіи массъ народныхъ сильными, энергическими агитаціями крѣпостного, служилаго и податного земства. Въ этихъ агитаціяхъ преимущественно выразился тотъ духъ недовольства, который наболѣлъ въ сердцахъ податныхъ и крѣпостныхъ массъ народа въ первой половинѣ XVIII столѣтія, и который тогда выражался бѣгствомъ и разбойничествомъ. Основной мотивъ всѣхъ этихъ движеній и физическихъ и нравственныхъ силъ податного, крѣпостного и служилаго народа составляла — месть за угнетенье и жажда воли. Въ это время, годъ знаменемъ раскола, грянула пугачевщина. Въ это время пророкъ людей божіихъ, освободитель и искупитель душъ крестьянскихъ, съ мистическимъ предчувствіемъ, въ мифическихъ образахъ, возвѣщалъ идею свободы, освобожденія, искупленія душъ народныхъ, возвѣщалъ «отъ страдъ иркутскихъ до сѣверной страны пите-

ской.» Въ это же время, подъ знаменемъ безпоповщинскаго раскола, явились бѣгуны. Въ бѣгунахъ преимущественно выразилось отрицанье ревизской, военнo-служилой и податной прикрѣпленности душъ, личностей къ имперіи и великороссійской церкви и порабошенности ихъ властямъ и учрежденіямъ той и другой.

Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ сказать главнымъ образомъ о происхожденіи и значеніи въ народной исторіи согласія бѣгуновъ, касаясь впрочемъ отчасти и прочихъ согласій раскола.

I

Съ тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія до пугачевщины, почти не слышно, невидано на сценѣ исторіи огромныхъ массъ провинціального народа. А горемычные, — онѣ тогда страшно стояли. Но отдаленный стонъ народный, по словамъ Щербатова, небылъ слышаемъ и слышенъ среди роскошей столичныхъ. Тогдашнее правительство не знало народа, надъ которымъ держало строгую, деспотическую опеку. Народъ не зналъ правительства, и только испытывалъ кругомъ вопіющія злоупотребленія администраціи и судопроизводства, крѣпостнаго права и проч. «Россія, говоритъ тотъ же историкъ и публицистъ екатерининскаго времени, — Россія не какъ другія страны, гдѣ правительство тѣится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ ихъ токмо тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ; самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и неудовольствіи, иногда и понапрасну. Желаящіе научиться способу неимѣютъ. Размышленія оставлены. Ошибки или злоупотребленія несправляемы остаются, я ошибка ошибкою и зло зломъ, якобы для исправленія, умножаютъ.» Въ половинѣ XVIII столѣтія правительство было въ самомъ печальномъ невѣдѣніи народа, а народъ передъ нимъ былъ самый жалкій, *peuple des esclaves*, по выраженію англійскаго посла вѣка того времени, Сирлея. Императрица Екатерина II такъ описывала, въ какомъ положеніи нашла имперію, когда вступила на престолъ: «Я нашла сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованья неполучившую. Въ статсъ-контортѣ именныя указы на выдачу 17,000,000 рублей не выполняемы. Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи

100 миліоновъ , изъ которыхъ 40,000,000 почитали вышешшимъ дѣлъ имперіи вонъ и патурою отправленными , повеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти всѣ отрасли торговли были отлавы частнымъ лицамъ въ монополію. Таможни всей имперіи сенатомъ ламы были на откупъ за два миліона. 60,000,000 кои остались въ имперіи , были 12 разныхъ вѣсовъ серебряныя деньги отъ 82 пробы по 63, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудѣ. Внутри имперіи, заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей , и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Правительствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушала апелляціонныя дѣла не экстрактами , но самое дѣло со всѣми обстоятельствомъ , и чтевіе дѣла о выговѣ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль заведенія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли приказаніе сената, что въ пословицу вошло говорить : ждуть третьяго указа, понеже по первому и второму не исполняли. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи , а къ каждой провинціи были приписаны окружныя города , въ коихъ находились воеводы и воеводскія канцеляріи. Оныя не получали жалованья , и дозволено имъ было корчиться отъ дѣла , хотя взятки строго запрещены были. Сенатъ опредѣлялъ воеводъ , но числа городовъ въ имперіи не зналъ. Когда я требовала реестры городамъ , то признались въ невѣдѣніи оныхъ , даже карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я бывъ въ сенатѣ , послала пять рублей въ академію наукъ , чрезъ рѣку отъ сената , и купленный тамъ кириловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату. По восшествіи моемъ на престолъ , сенатъ подалъ мнѣ реестръ городовъ имперіи , по которому явствовало , что оныхъ считали 16,000,000. По прошествіи двухъ лѣтъ , я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали , переписывались разъ по семи съ каждымъ воеводой , наконецъ сочли 28 миліоновъ. При коронаціи моеи было у меня три секретаря , у каждаго изъ нихъ было по 300 прошеній, итого 900... Въ іюнь мѣсяцѣ 1763 года побѣхала я въ сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи , которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ , и требовали отъ меня повелѣніе нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безчетныя воинскія команды; считали , что манѣе 800,000 рублей ревизія не станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ , которыя ревизія за собою повлечетъ , о побѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ , объ ущербѣ имперіи отъ всякой ревизи-

зія, почитая однакожь всё ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все, что говорили господа сенатъ, наконецъ уставъ говорить замолчали. Тогда я спросила на что таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны. Нельзя ли иначе? Мнѣ сказали: такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а мнѣ кажется вотъ такъ, — публикуйте по всей имперіи, чтобы каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобы канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ сенатъ. Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляли мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями много-многожество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: — простите всѣхъ долгие прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ доннынѣ внести въ вынѣшнія ревизіонныя сказки. (Далѣе рассказываетъ Екатерина о томъ, какъ сенаторы стали было горячиться, и едва конченъ былъ разговоръ о ревизіи, по мысли императрицы). Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генераль-майоры князь Александръ Алексѣвичъ Вяземскій, и Александръ Ильичъ Бибииковъ, рассмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей, но не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже гороблаготатскіе заводы за двумиллионный казнѣ долгъ графа Петра Шувалова возвращены въ коронное управленіе, также воронцовскіе, чернышковскіе, ягутинскіе и нѣкоторые иные заводы по таковымъ же причинамъ паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошолъ отъ самовластной раздачи сенатомъ заводовъ сихъ со приписными къ онымъ крестьянами. Щелрость сената тогда доходила до того, что мѣднаго банка трехмиллионный капиталъ почти весь розданъ заводчикамъ, кои умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятые отъ казны деньги въ столицѣ.»

При такомъ правительствѣ каково было жить горемычнымъ податнымъ, крѣпостнымъ, рабочимъ, служилымъ массамъ народа?.. Въ глуши провинцій, невѣдомо для правительства, стонали они подъ игомъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій, подъ игомъ начальниковъ губерній, въ родѣ Тутолминыхъ, Гудовичей, Трекинскихъ, подъ игомъ ландратовъ, лаядрихтеровъ, лаялкомиссаровъ, комендантовъ, оберъ-комендантовъ, оберъ-ландрихтеровъ, исправниковъ, засѣдателей, становыхъ. И вѣковымъ путемъ тяжко-прожитыхъ опытовъ стали они векольно доходить мало-помалу до того фактическаго, болѣзненно-прочувствованнаго отрицанія, ка-

кое несдержимое и однажды навсегда выразилось въ демократическо-отрицательной оппозиціи всѣхъ феодаловскихъ согласій раскола и въ особенности въ согласіи бѣгуновъ. Всѣ массы земства тяжело испытывали горько-жизненное недовольство, и вотъ, во всѣхъ слояхъ его, недовольные доходили до такого отрицанья... Взглянемъ хоть бѣгло, въ частности, на бытъ податного, крѣпостного и служилого народа, на бытъ купечества, мѣщанства, крестьянства и солдатства, въ эпоху появленія и распространенія согласія бѣгуновъ и передъ ней.

Былинные эпосы и пѣсни народныя воспѣваютъ богатство и веселый, широкій разгулъ гостей новгородскихъ и купцовъ богатыхъ. Не то совсѣмъ представляетъ историческая, грустная дѣйствительность. Рабская забитость, крайній недостатокъ духа инициативы, предприимчивости, недостатокъ просвѣщенной рациональности при зравомъ, практическомъ русскомъ смыслѣ, вотъ печальные результаты историческаго воспитанія нашего купечества и вообще торгово-промышленнаго класа. По происхожденію сродное крестьянству, неохотно и медленно отрываясь отъ коренныхъ историческихъ обычаевъ селъ, наше купечество туго поддается и европейскимъ понятіямъ и формамъ быта, указаннымъ Петромъ великимъ. Оно образуетъ какую-то социальную оппозиционную реакцію, могучую, плотную, сдерживающую силу, посредствующую между сельскимъ крестьянствомъ и городскимъ дворянствомъ, крѣпко, свято, самоупорно охраняющую коренныя начала самобытнаго, народно-крестьянскаго историческаго творчества. Тутъ, въ этой бытовой, тяжело-прожитой самовыдержанности не все самодурная рутина, а нельзя не обратить вниманія на эту вѣковую, исторически-развившуюся и окрѣпшую силу воли, самостоятельность быта. Большая часть купечества и посадства или мѣщанства, виѣстѣ съ крестьянами, со временъ царя Алексѣя Михайловича и императора Петра I, пошла въ старообрядство, въ расколъ, и доселѣ упорствуетъ въ немъ. Тутъ, въ этомъ расколѣ не все застой, а есть жизнь, движеніе, поддерживается и воспитывается духъ народнаго саморазвитія, свободной самодѣятельности, самораспорядительности, самостоятельности, самоустройства, самоуправления. Доказательство на это представляютъ между-прочимъ московскія и петербургскія старообрядскія народныя собранія XIX вѣка. Не говоримъ покуда о политической письменности старообрядческой. Со временъ Петра великаго большая часть купечества и посадства признала лучшимъ устроить, на основѣ старообрядства, свое, хоть и крѣпко замкнутое, но самобытное, безсловное, братское, богатое общество, съ соборно-

общиннымъ и выборнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ соединиться, слиться съ православнымъ обществомъ, разъединеннымъ кастально-сословнымъ антагонизмомъ, управляемымъ какъ мапина не своими общественными силами. Къ тому невольна вела купцовъ и посадскихъ историческая обстановка, политическій, общественный бытъ и положеніе ихъ.

На земскомъ соборѣ 1642 года посадскіе, торговые и промышленные люди, во имя стариннаго обычая, излюбленнаго общиннаго самоуправления, выразили протестъ противъ воеводскаго самоуправления и желаніе собственнаго суда посредствомъ своихъ выборныхъ. Голось ихъ не былъ уваженъ. Недовольство торгово-промышленныхъ городскихъ класовъ, также какъ и крестьянское, излилось бунтами по всѣмъ городамъ. Но приказно-государственная сила воспреобладала надъ земскими стремленіями. И въ пятидесятихъ годахъ XVII вѣка, гости, купецкіе и промышленные люди были уже безгласными жертвами приказнаго произвола. Самъ Петръ великій сожалѣлъ объ *оскудѣніи и разореніи торговыхъ и посадскихъ людей*, и о томъ, что «его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ недоимкѣ, а пошлянымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы»; самъ Петръ писалъ: «что имъ гостямъ и гостиной и суконной сотни и всѣмъ посадскимъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренье, а выые оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали». Ни комерцъ-колегіи и мануфактуръ-колегіи, ни учрежденіе бурмистрской палаты, московской ратуши и городовыхъ земскихъ избъ, съ ихъ приказно-купеческихъ чиновничествомъ, съ президентами ратушей, оберъ-инспекторами и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, подьячими, надсмотрщиками, сборщиками и расходчиками, купецкими фискалами, -- ни одно изъ этихъ учрежденій не улучшило торговли и промышленности купцовъ и посадскихъ, не замѣнило для нихъ самоуправляемой, самосудной свободы торга и промысла. Напротивъ, инструкціями всѣхъ этихъ учрежденій, торговыми и ремесленными уставами до крайности стѣснено было свободное торгово-промышленное развитіе. Купцы и ремесленники попрежнему были рабы и жертвы казны, бурмистровъ ратушныхъ, бурмистровъ таможенныхъ, кабацкихъ и проч., да воеводъ, дьяковъ и подьячихъ. Не охранялъ ихъ отъ безправія, грабежа и обидъ и верховный контроль надъ правосудіемъ юстицъ-колегіи. Въ уставѣ главнаго магистрата такъ показано ихъ положеніе: «хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и

провинціяхъ въ смотрѣніи и въ вѣдѣніи подлежатъ въ юстицъ-колегіи, однакожь, понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо въ какомъ презрѣніи, но чаще отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній неслыханныхъ едва не всѣ разорены, отчего ихъ весьма умалилось, и уже то есть не безъ вящаго государственнаго вреда.» Точно также мало благоустроивали бытъ купцовъ и ремесленниковъ главный магистратъ съ его регламентомъ и городовые магистраты, учрежденные съ цѣлью предоставить купцамъ нѣкоторыя права самосуда и самоуправления, чтобъ обезпечить ихъ доходы для обезпеченія доходовъ казны. вмѣсто предоставленія купечеству и ремесленнымъ класамъ свободнаго торгово-промышленнаго саморазвитія, тогдашнее правительство по нѣмецкому образцу дѣлило да подраздѣляло ихъ на гильдіи и цунфты или цехи, подчиняло опеку аальдерменовъ, старостъ. Какъ матеріально и нравственно вредны гильдіи объ этомъ будетъ рѣчь дальше. вмѣсто свободнаго выбора промысла, правительство подробно опредѣляло самые стѣснительные, кастально-корпоративные способы приобретенія регулярнаго гражданства, торговаго и ремесленнаго состоянія. Напримѣръ вродѣ такихъ правилъ: «тотъ изъ мастеровыхъ людей, кто не запишется въ цехъ, лишается права на свободное отправленіе ремесла; безъ предьявленія цеховому аальдермеву и безъ клейма, ремесленникъ не имѣетъ права продавать свое издѣліе, и т. п. Такой приказно-магистратскій, корпоративно-крѣпостной или замкнуто-сословный видъ самоуправления былъ нисколько не легче и не лучше приказно-административнаго управленія. Да и тотъ былъ уничтоженъ при преемникахъ Петра. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ главнаго магистрата въ Петербургѣ, городовые ратуши и магистраты подчинены были губернаторамъ и воеводамъ. И послѣ, когда были восстановлены, не выходили изъ-подъ контроля губернаторовъ и секретарей. Какъ деспотствовали надъ купечествомъ начальники губерній и разныя присутственныя мѣста, желающихъ знать это отсылаемъ къ «Запискамъ Державина» и къ «Запискѣ о Сибири», напечатанной въ «Чтеніи общества исторіи и древностей россійскихъ» за 1859 г. вслѣдствіе этого и самыя выборныя общественныя учрежденія — магистраты, а послѣ и думы не имѣли почти никакой самостоятельности, самораспорядительности, по причинѣ преобладанія губернскихъ бюрократическихъ канцелярій и властей. Равнымъ образомъ и выборныя должностныя лица президенты магистратовъ, головы думъ и проч., вслѣдствіе преобладанія приказнаго элемента надъ земскими интересами, становились истыми чудовищами-деспотами. Ужасно читать, какіе были во

второй половинѣ XVIII столѣтія президенты городовыхъ магистратовъ, избиравшіеся иногда изъ военныхъ. Напримѣръ московскій генералъ-губернаторъ графъ Салтыковъ доносилъ отъ 17 ноября 1763 года: «Орловскаго магистрата президентъ Дмитрій Дубровинъ кунечеству дѣлалъ великія притѣсненія, грабежи и смертоубійства, также и казнѣ похищенія, зачто главнымъ магистратомъ и былъ отрѣшенъ отъ присутствія; но несмотря на то правилъ ту должность своевольно. Во время сего нахальнаго правленія фабрика купца Кузнецова товарищами его разграблена и разорена, а бывшіе на оной работники отчасти разогнаны, избиты и переувѣчены, и просилъ онъ, Кузнецовъ, въ сенатской конторѣ, отъ которой и посланъ указъ къ находящемуся тамъ кирасирскаго полка полковнику Давыдову, коимъ велѣно ему, обще съ орловскимъ воеводой и съ опредѣленнымъ отъ главнаго магистрата депутатомъ, все по самой справедливости изслѣдовать, а Дубровина съ сообщниками взять подъ караулъ, для пресѣченія непорядковъ и для восстановленія тишины разставить въ городѣ частыя пикеты, почему онъ, Дубровинъ, и взять подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ въ походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и понывъ такъ, какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряжонными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчаютъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними несогласны» (и такъ далѣе идетъ рассказъ о дѣяніяхъ президента магистрата и его сына). И не только провинціальныя, городовые магистраты, но и петербургскій главный магистратъ во второй половинѣ XVIII столѣтія былъ страшно неустроенъ. Онъ больше притѣснялъ торговыхъ людей, особенно торгующихъ крестьянъ, чѣмъ заботился о безирепятственномъ развитіи торговли; больше грабилъ купцовъ, чѣмъ поощрялъ и облегчалъ народную торгово-промышленную производительность. Щербатовъ въ «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи» писалъ о главномъ магистратѣ: «Сіе мѣсто, долженствующее бы быть защитою и подпорою купечества и мѣщанства, учинилоя вертепъ разбойниковъ, гдѣ ихъ грабятъ и утѣсняютъ другихъ подданныхъ. Сему я нѣкоторые примѣры предложу. Повелѣно, чтобъ всѣ мастеровые были записавы въ цехи; а состояніе російскаго государства требуетъ, чтобъ благородные имѣли въ домахъ своихъ мастеровыхъ (при существованіи крѣпостнаго права) изъ собственныхъ своихъ людей, которыхъ нельзя удержатъ, да и нельзя имъ запретить, дабы они и на другихъ не работали, а нужнаго и сходственнаго съ сими обстоятельствами учрежденія нѣтъ. Запрещено крестьянамъ торговать, а великая часть купцовъ ихъ деньгами торгуютъ, или прибивая отъ нихъ получаютъ; исключить ихъ изъ торговли, тѣмъ поте-

рется великое число денег, которыя нынѣ въ обращеніи и въ торгу, а не исключитъ, то купечество разорется; законы старые пребываютъ, новые печатаются, другіе невѣдомые указы именныя магистрату о семъ даются. Не лучше ли бы порядочно сіе разсмотрѣть, и чего невозможно запретить, то съ нѣкоторыми выгодами для купцовъ позволить (и крестьянамъ торговать). Въ магистратѣ судятся вексельныя дѣла и дѣла о банкротахъ, а полнаго вексельнаго уставу нѣтъ, а банкротскаго и небывало; два или три были сочинены, всѣми мѣстами апробованы, на конфирмацію поданы, но безъ конфирмаціи остались. Послѣдній былъ сочиненъ комиссіей о комерціи, по долгомъ лежаніи пересматриванъ сенатомъ, то-есть мѣстомъ, ненавидящимъ комиссію о комерціи; ибо князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, сіе мѣсто ненавидитъ за то, что оно часто сопротивляется его несходственнымъ съ правилами торговли предпріятіямъ, какъ поелику онъ имѣетъ наблюденіе и о доходахъ государственныхъ. Самъ сенатъ учиня токмо малыя переправки, сей уставъ о банкротахъ апробовалъ за подписаніемъ своимъ и комиссіи о комерціи императрицѣ въ 1774 году подалъ. Но какъ ова въ кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи сдѣлать новое пространшѣйшее уложеніе, то сего уставу не апробовала, а между тѣмъ временемъ государство и торговля терпятъ.»

Въ нравственно-юридическомъ отношеніи, купцы и мѣщане много терпѣли обидъ въ судахъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Они много зла терпѣли отъ бюрократическаго канцеляризма, несмотря на ослабленіе его во второй половинѣ XVIII вѣка. «И нынѣ — жаловались купцы во второй половинѣ прошлаго столѣтія — и нынѣ тоже всѣми тѣми монархами (Петромъ, также Анною и Елисаветою, возстановившими учрежденія петровы) купечество отъ канцеляріевъ почти несовсѣмъ отрѣшено, однакоже великое претерпѣваетъ отъ обыхъ притѣсненіе и обиды, которыхъ избѣгнуть никакъ не можно, кольми же паче когда совсѣмъ канцеляріямъ отдаво подъ власть будетъ; тогда купцамъ останется дѣлать только то, чтобъ никуда отъ домовъ не отлучавсь, оберегать дома и домашнихъ своихъ, всѣхъ торговъ лишиться и придти въ отчаяніе.» По чрезмѣрной алчно-придирчивой, корыстолюбивой истязательности, чиновники чрезвычайно медленно вели купеческія дѣла, пока не получали взятки, или запутывали и рѣшали неправильно. На судъ таскали купцовъ и мѣщанъ насильно, безъ всякихъ предварительныхъ повѣстокъ. Лукавыя судьи формальнымъ допросамъ запутывали ихъ на судѣ. Военнослужащіе купечеству причиняли обиды и побои; за забранные товары не отдавали денегъ. Дворянство съ презрѣніемъ смотрѣло на купеческихъ дѣ-

той, какъ «въ грубости рожденныхъ», за то что они попадали въ дворянство. «Черезъ это — по словамъ князя Щербатова — чины *улодланы*, а служащій *кортусъ* дворянскій *огорчался*.» Словомъ, купечество, по словамъ его депутатовъ комиссiи 1767 года, находилось «въ крайнемъ презрѣнiи»; такъ же какъ и мѣщанство. Недаромъ поэтому представители купечества и мѣщанства въ этой комиссiи, созванной для сочиненiя проекта новаго уложенiя, представляли между прочимъ: 1) о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволенiи онымъ входить во всѣ присутственныхъ мѣста по дѣламъ купеческимъ; 2) о нечиненiи военно-служащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побоевъ и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; 3) о правосудiи и скорѣйшемъ рѣшенiи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества; 4) объ уменьшенiи судовъ и о штрафѣ судей; 5) о незабранiи насильно изъ суда въ присутственныхъ мѣстахъ градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; 6) объ избавленiи купечества отъ службы при сборѣ казенномъ, отъ ежегодныхъ выборовъ къ откупщикамъ для прiема и отдачи вина, такъ-какъ это купечество считало самую большую «конфузiей для себя», и т. п.

Въ комерческомъ отношенiи купечество и вообще торгово-промышленный классъ страдалъ отъ монополiи казны. Уже въ XVII вѣкѣ, особенно въ царствованiе Алексѣя Михайловича, стало государственно-экономическимъ принципомъ: «какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе.» Петръ великiй, перестроивавшiй московское государство въ имперiю, неуспѣшно хлопоталъ о доходахъ и прибыли казны, и потому «о денежныхъ сборахъ» старался особенно «присматриваться», такъ что все, даже и самыя губернiи учреждалъ главнымъ образомъ съ финансовою цѣлью. При немъ впрочемъ казенная монополiя въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ, напримеръ въ отношенiи къ фабричной и заводской промышленности и производительности, была поучительнымъ для народа примѣромъ или образцомъ. Но правительство и послѣ Петра великаго не только не ослабляло, а еще годъ отъ году усиливало систему казеннаго монополизма, такъ что къ концу XVIII и къ началу XIX столѣтiя монополiя возрасла до крайности и стала однимъ тяжолымъ стѣсненiемъ для торговли и промышленности. Мордвиновъ признавалъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ разстройства финансовъ въ Россiи и объявленiя торговаго класса. «Казна присвоила себѣ единоторжiе, писалъ онъ: а) Черезъ отстраненiе торговаго класса людей отъ казенныхъ поставокъ. Сими отстраненiемъ и посылкою, въ замѣнъ того, во всѣ мѣста казенныхъ чиновниковъ для закупки вещей изъ первыхъ рукъ, ослабле-

на необходимая для общественнаго благосостоянія взаимная связь между производителями, торгующими и потребителями; б) чрезъ ослабленіе въ торговцахъ охоты вступать въ подряды и поставки казенныя. При маломъ числѣ подрядовъ и поставокъ, предоставляемыхъ казною торговому классу людей, самое даже производство на оныя торговъ до безпѣрности затруднено, какъ обрадами самаго производства ихъ, такъ и мѣрами обеспечивающими исправность поставокъ: ибо требуются залогомъ (не беззатруднительные обыкновенно для торгующихъ) не только по такимъ обязательствамъ, кои для выполненія своего требуютъ довольно времени, но даже и на работу, которая съ перваго дня начатія ея, сама по себѣ составляетъ уже залогъ. Къ сему присовокупить должно и ослабленіе самой охоты въ торговыхъ людяхъ вступать въ обязательства съ казною, во первыхъ чрезъ разнообразныя имъ чинимыя притѣсненія, и именно: чрезъ неточное соблюденіе казною контрактовъ, съ ними заключенныхъ, чрезъ медленный платежъ денегъ, чрезъ тягостное продолженіе расчетовъ съ ними и т. п.; и во вторыхъ чрезъ притѣсненія появленія многихъ казенныхъ поставщиковъ въ разоренномъ и самомъ нищенскомъ состояніи.» Таковъ былъ экономическій гнетъ казны надъ торговымъ сословіемъ.

Въ экономическомъ отношеніи особенно жалко было положеніе безземельныхъ мѣщанъ. Указомъ отъ 14 марта 1746 года окончательно нарушено всенародное, всесловное значеніе земли, или землевладѣніе. Купцамъ и цеховымъ ремесленникамъ — посадскимъ, мѣщанамъ запрещено, наравнѣ съ дворянами, покупать земли не только съ деревнями, но и безъ деревень. Такимъ образомъ привилегировано было на крѣпостное землевладѣніе одно дворянство, а купечество и мѣщанство, такъ же какъ и крестьянство, лишено свободнаго права на землю. Отсюда послѣдовало не только юридическое, но и поземельное разъединеніе земства, нарушена поземельная общность, связь, и свободная, взаимная, обоюдная переходность изъ купческаго и мѣщанскаго состоянія въ сельское, земледѣльческое, и обратно. Лишеніе земли особенно вредно стало для мѣщанства. Неся всѣ крестьянскія повинности и подушныя подати, не имѣя правъ свободнаго промысла, мѣщане лишены были и главнаго источника обеспеченія и дохода — земли. Оттого большая часть изъ нихъ стала представлять самыхъ несчастныхъ труженниковъ, бобылей, нищихъ, чернорабочихъ, прислужниковъ и т. п. Недаромъ въ XVIII вѣкѣ села, по указамъ, весьма неохотно обращались въ города, и крестьяне, не желая быть безземельными мѣщанами, недаромъ упорно отстаивали свои старинныя земли.

Такимъ образомъ и торговый, и ремесленный классъ, и купцы и

ищавъ терявъ несносныя стѣсненія и лишения въ самыхъ несущныхъ источникахъ жизни. «Всѣ знаменитѣйшіе народы древнихъ и настоящихъ временъ, — скажемъ словами Мордвинова, — содѣлались богаты отъ торговли и промысловъ. Одна Россія, занимающая половину Европы, скопывала доселѣ свою торговлю и свою промышленность, и правительство ея, ожидая отъ народа великихъ доходовъ, само поражало то, отъ чего и народъ и казначейство могли бы стяжать великія богатства.» Оттого и города въ Россіи не процвѣтали. Щербатовъ въ свое время замѣтилъ: «города ветокмо въ лучшее состояніе приходятъ, но паче ослабѣвають за недостаткомъ купечества, а которое остается, то вѣщную тягость должно нести.» И удивительно ли послѣ этого, если какой-нибудь безземельный мѣщанинъ, труженикъ горемычный, не находя въ городѣ ни работы хорошей, обезпечивающей житье-бытье, ни покою, а только одно горько-слезное горе-злосчастье, оставлялъ городъ и шолъ куда-нибудь въ бѣгуны, грустно утѣшаясь словами ихъ ученья: «града настоящаго не имамы, но грядущаго взыскуемъ...» У бѣгуновъ же была покрайней-мѣрѣ надежда, было стремленіе, основать гдѣ-нибудь на русской же землѣ свой городъ, свою область.

Изъ города пойдѣмъ по селамъ. Вотъ средневожскія села. Въ XI и XII вѣкахъ, когда была вольнымъ воля на великорусской землѣ, они большею частью только еще устроялись, заселялись вновь, путемъ добровольнаго свободнаго перехода вольныхъ охочихъ людей, крестьянъ, путемъ мирной земледѣльческой культуры, куда ходили топоръ, коса и соха, по слѣдамъ мирныхъ хозяйственныхъ путей, *ухожавъ и становъ*. Тутъ отовсюду перезывались и сами приходили добровольные *приходцы*. Тутъ жили мирные *жмлецкіе люди* — крестьяне. До половины или до конца XVI вѣка тутъ не было бѣгства, бродяжничества: только *калики переходіе* ходили по монастырямъ, да по православному міру съ духовными стихами. До конца XVI или до начала XVII столѣтій, тутъ, какъ и по всей сельской Руси, былъ въ обычаѣ добровольный, свободный переходъ... Но вотъ уничтоженъ мало-помалу, съ тяжкимъ вѣковымъ трудомъ, свободный переходъ крестьянскій. Властивіе вѣкового систематическаго прикрѣпленія крестьянъ къ сельской, земледѣльческой и казенной землѣ, а посадскихъ людей — къ городамъ, къ посадамъ, — началось повсюду, по всей землѣ великорусской, вмѣсто свободнаго перехода, неудержимое, непрерывное, вѣковое бѣгство и бродяжничество крестьянъ и посадскихъ. Стало и здѣсь, въ этихъ средневожскихъ селахъ такое же бѣгство, бродяжничество. Втеченіе полутора ста лѣтъ, правительство энергически преслѣдо-

вало бѣглыхъ и бродягъ: во второй половинѣ XVIII столѣтія бѣгство стало униматься, но не останавливалось. И вотъ въ этихъ средневолжскихъ селахъ ярославской, владимірской и костромской губерній, вмѣсто свободнаго перехода и вмѣсто бѣгства и бродяжничества, являются *бѣгуны, странники*, особое общинно-демократическое оппозиціонное согласіе, которое принципъ бѣгства возводитъ въ догматъ, бѣгству придаетъ религіозную санкцію, въ бѣгствѣ указываетъ *путь спасеній*. Исходный пунктъ его — село Сопѣлки, хотя основатель его былъ солдатъ изъ мѣщанъ. Такимъ образомъ, вмѣсто старинныхъ хозяйственныхъ путей и ухажеевъ средневолжскихъ областей, здѣсь бѣгуны указываютъ народу путь бѣгства, и составляютъ свои маршруты, путевые указатели, куда нужно бѣжать. Эти маршруты будутъ дальше приведены. Вмѣсто старинныхъ осѣдлыхъ *старожилловъ* и *жилецкихъ* или *мірскихъ людей*, являются такъ-называемые *жилые* или *мірскіе бѣгуны*, т. е. осѣдые и пристанодержатели, укрыватели странствующихъ бѣгуновъ. Вмѣсто старинныхъ *становъ* и *мѣсть дворовыхъ* являются и у бѣгуновъ свои пристанища, которыя также называются *становъ* и *мѣстамъ*. Такой историческій переворотъ произошолъ въ одной области сель! И изъ этой средневолжской области, бѣгуны быстро распространились по селамъ почти во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ и въ Сибири. Основанное бѣглымъ солдатомъ изъ мѣщанъ, согласіе бѣгуновъ скоро охватило большую часть крестьянства. Что же за причины, отчего крестьяне стали обращаться не только въ согласіе филиповцевъ, фелосѣевцевъ, поморцевъ, но и въ согласіе бѣгуновъ? Вѣрно, что-нибудь да тяготило ихъ и побуждало, вмѣсто бѣгства, къ бѣгунству и странничеству...

Или: тамъ, въ понизовомъ заволжьи, пролегла въ первой половинѣ XVIII столѣтія, черезъ степь саратовскую, къ Уралу путь — тропа, которую преданіе называетъ *сиротскою дорогою*. Черезъ все XVIII столѣтіе по ней шли, пробирались въ саратовскія степи, въ юговосточное приуралье и за Уралъ гонимые старовѣры. Между ними большая часть была бѣглые солдаты и крестьяне, преимущественно крѣпостные. На пути этомъ, многіе изъ нихъ селились на хлѣбородныхъ земляхъ саратовской губерній, и въ концѣ XVIII столѣтія основали вновь нѣсколько селъ, каковы между прочимъ, Березовую-луку, Острую-луку, Красный-яръ, Ивантѣевку, Хворостянку и многія другія, а также весьма значительно заселили города: Хвалынскъ, Волгскъ, Кузнецкъ, Балашень, Аткарь, Серлобъ и самый Саратовъ, и пробирались далѣе за Яикъ и за Уралъ... Куда шли эти бѣглые крестьяне? Что гнало ихъ съ родного мѣста-жительства? Чего искали они — воли или земли?

Не доходимъ до Урала. Тамъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, за-двигались, забунтовали заводскіе крестьяне. Что-то и ихъ тяготѣло!.. Да куда бы путникъ XVIII столѣтія ни пошелъ по Велико-россія, по селамъ, вездѣ что-то было неладно въ крестьянскомъ міру. Съ 1729 года по 1772 или вплоть до пугачевщины почти не утихали бунты: то здѣсь, то тамъ вспыхивали взрывами, предвѣщавшими страшное вулканическое движеніе — пугачевщину. Прошла гроза пугачевская. Въ 1797 г. опять начались крестьянскія движенія... Что же возмущало крестьянъ? чѣмъ они были недовольны? Чего хотѣли? Посмотримъ хоть бѣгло, на тогдашнее положеніе крестьянъ.

Страшное, тяжелое было время для крестьянъ въ 1718—1725 г., когда происходила первая формальная поголовная перепись или ревизія душъ. По указу 1719 года января 22, повсюду разъѣзжали по Россіи разсылщики и офицеры съ командами для отобранія сказокъ. О крестьянахъ дворцовыхъ, патриаршихъ, монастырскихъ, однимъ словомъ, не помѣщичьихъ, они отбирали сказки отъ того, кто ихъ вѣдаетъ: отъ приказчиковъ, старостъ, выборныхъ, за ихъ руками; о помѣщичьихъ крестьянахъ сказки отбирались отъ владѣльцевъ и старостъ, также за руками. Послѣ того происходила повѣрка сказокъ, и гдѣ оказывался излишекъ въ душахъ противъ сказокъ, тамъ этотъ излишекъ въ душахъ, съ причитающеюся на нихъ землей, обращался въ пользу открывателя, или доносчика. И помѣщики и крестьянскія общины, въ лицѣ представителей, строго наказывались за утайку душъ. «Смертныя казни, безъ всякой пощалы», конфискаціи, дѣпя, «розыскы» или слѣдствія съ пытками — вотъ что привнесла съ собой первая ревизія. Сколько земли отошло къ росписчикамъ, офицерамъ, доносчикамъ, за открытіе утайки душъ! Сколько тысячъ крестьянъ должны были перемѣнить владѣльцевъ, и вышедши изъ-подъ власти законныхъ, изстаринныхъ, природныхъ, попасть въ руки новыхъ, нежданыхъ владѣтелей! И несмотря на такую строгость, крестьяне упорно утаивались отъ ревизіи, и ревизія втеченіи восьми лѣтъ не была кончена. Такъ страшно-не-люба, противна была народу поголовная перепись! Многіе переходили въ расколъ изъ-за ревизіи, говоря: «творите съ нами что хотите, но въ книги законопреступныя писаться не будемъ, и другимъ не совѣтуемъ, ибо мы записаны въ книги животныя небеснаго царя» и т. п. Многіе бѣжали, и скрывались въ лѣсахъ.

Крестьяне привыкши къ прежнимъ общиннымъ, мірскимъ подворнымъ переписямъ, въ которыхъ они и посадскіе разсматривались какъ люди свободные, съ пернаго разу увидѣли, что новая ревизія совершалась помимо крестьянъ, помимо міровъ, помимо ихъ

выборныхъ. Они хорошо поняли, что ревизіей ихъ хотѣли прикрѣпить къ волѣ помѣщика, безъ собственного полноправнаго владѣнія землею. Крестьяне почувствовали, что правительство посредствомъ ревизіи передаетъ ихъ во власть помѣщиковъ, отъ лица государства, и на томъ же правѣ безграничнаго господства, на которомъ государство владѣло крестьянами, какъ своими подданными. Изъ помѣстья, въ которомъ записаны крестьяне, они также не могутъ выходить свободно, какъ подданные изъ предѣловъ государства; отъ власти помѣщика такъ же не могутъ освободиться своею волей, какъ жители страны отъ правительства. На основаніи ревизіи, помѣщикъ получилъ право, обеспеченное силой закона, воспрещать крестьянамъ и выходъ изъ его помѣстья, и свободный выборъ промысла, и вступленіе въ бракъ, или избраніе холостой жизни. Въ этомъ—то смыслѣ, первая ревизія составляетъ истинное начало крѣпостнаго права, и явившись разъ, это право не могло не отразить своего вліянія на всѣхъ сторонахъ народнаго быта. Какую власть получили помѣщики относительно своихъ крестьянъ, такую же власть должны были приобрести крестьянскія общины относительно своихъ сочленовъ. Отвѣчая за ихъ состоятельность въ исполненіи повинностей, стали и онѣ воспрещать какъ свободный выходъ изъ общины, такъ и выборъ занятія: то и другое стало завѣсть отъ наспортовъ, отъ разныхъ обезпеченій на случай рррутства и т. д. (1). Эта сдержанность, прикрѣпленность крестьянъ и къ имперіи въ качествѣ подданныхъ, и къ помѣщикамъ въ качествѣ крѣпостныхъ, и къ общинамъ по наспортамъ и т. п., страшно тяготило крестьянъ, и многихъ выводило изъ терпѣнія. И вотъ, бѣгуны возвѣстили свободу отъ ревизіи, и бѣгство изъ имперіи, или отъ правительства, бѣгство изъ крѣпостнаго состоянія, бѣгство изъ общины, даже бѣгство изъ семьи и т. д.

Прикрѣпивши крестьянъ къ власти помѣщиковъ, ревизія предала ихъ всѣмъ злоупотребленіямъ крѣпостнаго права. Помѣщики стали насильно прикрѣплять себѣ и свободныхъ людей, какъ свидѣтельствуешь находящаяся у насъ подъ руками рукописная челобитная одного заслужоннаго служилаго человѣка времени Петра. Уже при Петрѣ во всей силѣ обнаружился произволъ помѣщиковъ. Въ одномъ указѣ самъ онъ писалъ: «Есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго житія, вотчины свои неточно не снабдвають и не защищаютъ ни въ чемъ, во

(1) Имуществ. и личн. права, по указамъ Петра В., г. Лешкова -Русс. Вѣстн. - Дек. 1861 г.

разоряють, влагая на крестьянъ всякія несвоебныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучать, и оттого крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается дошка.» Силошь и рядомъ были такіе помѣщики; которые не давали крестьянамъ на себя работать, и просто грабили ихъ. Крестьянинъ Посошковъ видѣлъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свое время, и между прочимъ вотъ что писалъ: «есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ одного дня, чтобы имъ на себя что сработать. Такъ шаткую и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, то полевенное заберутъ, да и еще требуютъ съ нихъ излишняго небору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету повергають; и который крестьянинъ начинаетъ мало-помалу посылѣе быть, то не него и подати прибавяютъ. И за такимъ ихъ порядкомъ, крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И такъ крестьянъ пустошатъ, что у иного и козы не оставляють. Отъ такой нужды крестьяне дома свои оставляють и бѣгутъ иные въ низовыя мѣста, иные же и въ украинныя, а иные и въ зарубажныя: такъ чужія страны населяють, а свою пусту оставляють.» Такимъ образомъ и крѣпостное право вынуждало къ бѣгству, воспитывало въ народѣ склонность къ бѣгству, и слѣдовательно задало приготовляло къ бѣгству.

Въ эпоху второй ревизіи, 1742 года, еще болѣе увеличилось бѣгство крестьянъ. Въ это время, по словамъ бѣгуновъ, погибла церковь, и сохранялась только въ бѣжавшихъ отъ ревизіи. Послѣ второй ревизіи увеличилась и тягость крѣпостного права. Теперь и свободный бѣлякъ-крестьянинъ, по закону, долженъ былъ ужь самъ искать себѣ господина, долженъ былъ просить, какъ милости, чтобы кто-либо изъ привилегированныхъ удостоилъ его принять въ число крѣпостныхъ, съ обязанностью платить за него подушную подать. Помѣщики уполномочены были закономъ — по своему произволу ссылатъ крестьянъ въ Сибирь, или куда угодно, отлавать въ солдаты, торговать ими, какъ товаромъ, продавать въ рекруты, если находили выгодныхъ покупателей, отдѣляя дѣтей отъ родителей. Крѣпостные крестьяне постепенно теряли право собственности. Указомъ 14 февраля 1761 года, крестьянамъ запрещено обазываться векселями и вступать въ поручительство, да и подъ заемныя письма имъ дозволялось брать вѣнчае, какъ съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ помѣщиковъ. Крестьянамъ запрещалось прежнее свободное право торга въ селѣ ли, или на посадѣ. Уже въ указѣ Петра отъ 27 сент. 1723 г. было постановленіе: «ко-

торые крестьяне не похотят въ посады, и имъ никакими торгами не торговать, ни промысловъ никакихъ держать, и въ лавкахъ не сидѣть.» Помѣщичьи крестьяне вѣнчае могли отиравиться для своихъ нуждъ въ ближніе торги, какъ съ дозволеніа приказчика и подъ надзоромъ десятскаго или выборнаго. Крестьяне не могли, по прежнему свободному праву, вступить въ купечество безъ увольнительнаго письма помѣщика. Указомъ 3 января 1762 г. повелѣно главному магистрату и его конторѣ «накрѣпко подтвердить, чтобы оныя мѣста дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ безъ указныхъ отпускныхъ и увольнительныхъ отъ властей и помѣщиковъ писемъ въ купечество отнюдь не записывали.» Понятно, какъ все это было стѣснительно для торгующихъ крестьянъ. Помѣщикъ, вродѣ даже Татищева, при своемъ несносно-отеческомъ опекуствѣ, лишалъ крестьянъ всякой воли и домашней самораспорядительности, морилъ крестьянина трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ осмѣлился продать лишніе или ненужные ему курьцу или поросенка; помѣщикъ требовалъ, чтобы у крестьянина на дворѣ было столько-то коровъ, лошадей, овецъ, оловяныхъ ложекъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отдавалъ его въ батраки, безъ платежа денегъ за работу. Не говоримъ уже о тѣхъ варварскихъ ужасахъ крѣпостного права въ XVIII столѣтіи, про которые едва вѣрится въ эпоху освобожденія крестьянъ. Подобное крѣпостное состояніе крестьянъ хуже было военной, солдатской службы. Почему крѣпостные дворовые люди и крестьяне, въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, уходили отъ помѣщиковъ и сами добровольно просились въ солдатскую службу, «согласясь немалымъ собраніемъ и порознь», подавали самой императрицѣ челобитныя о запискѣ ихъ въ военную службу. И зато бѣднягамъ, по словамъ указа 2 іюня 1742 г., «лучшево имъ на площади съ публичкою жестокою наказаніе, а именно: которые подавали челобитныя немалымъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ, а шъ нихъ пушіе къ тому заводчики сосланы въ Сибирь въ казенные заводы въ работу вѣчно», и проч.

Говорить ли о жалкомъ, угнетенномъ положеніи заводскихъ крестьянъ? Этотъ особый классъ несчастныхъ, безхозяйственныхъ работниковъ, работъ фабричныхъ и заводскихъ, создалъ Петръ I, указомъ 18 января 1721 года, прикрѣпивъ крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. А потомъ ужъ сами управители заводовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, наиримѣръ въ оренбургской, по своему произволу приписывали крестьянъ къ заводамъ. «Изъ чего произошло, — замѣчаетъ кв. Щербатовъ, — что когда большая часть волостей была приписана къ заводамъ, работники часто должны были хо-

диль работать отъ близкаго завода къ другому по 700 верстъ, и крестьяне были разными пронырствами заводчиковъ разоряемы, такъ что при началѣ царствованія императрицы Екатерины повсюду бунты и неудовольствія отъ крестьянъ оказались.» Потомъ сенатъ, какъ мы видѣли изъ словъ Екатерины, самовластно и щедро раздавалъ крестьянъ заводчикамъ, «кои, умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ.» Вслѣдствіе такого злоупотребленія, крестьяне въ половинѣ XVIII столѣтія стали бунтовать на заводахъ гороблагодатскихъ графа Шувалова, на воронцовскихъ, чернышевскихъ, ягужинскихъ и многихъ другихъ. Крестьянъ унимали оружіемъ и даже пушками.

При такомъ безправіи крестьяне естественно должны были выходить изъ терпѣнія и не на заводахъ только. Съ 1719 по 1773 г. въ разныхъ мѣстахъ они начинали уже волноваться. Таковы напри- мѣръ были крестьянскія движенія: въ Февралѣ 1729 года по поводу распущеннаго въ народѣ небывалаго указа о волѣ отъ 19 Февраля 1728 г., движенія 1741 и 1742 г., когда обнаружилось стремленіе крестьянъ *записываться въ вольницу*, движенія въ 1758 г. въ тамбовскомъ и козловскомъ уѣздахъ, въ Царицынѣ и по Волгѣ, когда обнаружилось стремленіе крестьянъ къ вольному самоустройству на новыхъ, ими самими выбранныхъ мѣстахъ; движеніе въ 1760 г. въ арзамаскомъ уѣздѣ и въ галицкой провинціи и т. п. Отрицаніе крѣпостнаго права крестьяне попрежнему выражали бѣгствомъ, исканіемъ вольнаго поселенія. Въ указѣ отъ 13 Января 1758 г. читаемъ: «Сенату отъ 13 ноября 1757 года донесено по жалобамъ помѣщиковъ изъ тамбовскаго и козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оные бѣглые, собравшись въ Царицынѣ и переправясь черезъ Волгу и порывъ землянки, живутъ и принимать будутъ впредь всякихъ прихожихъ людей. А нѣкоторые крестьяне явнымъ образомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ побѣгъ, что они идутъ на поселеніе въ Царицынѣ и Камышенку къ шолоковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ якобы опредѣленъ майоръ Паруберъ.» Военныя команды, отправлявшіяся для усмиренія крестьянъ, дѣйствовали съ непростительною неосторожною, безчеловѣчно. Отправлялась военная команда съ офицеромъ и съ пушками, сама путемъ незная куда, въ которую деревню, начинала экзекуцію, не смотря ни на какія представленія отъ крестьянъ, что они вовсе не того помѣщика, что они послушны своему владѣльцу и онъ на нихъ никогда не жаловался; стрѣляла и рубила несчастныхъ крестьянъ и не слушала никакихъ убоженій; а послѣ оказывалось, что крестьяне

дѣйствительно правы, что команда должна была идти въ другую деревню, а вовсе не въ ту, которую разорила и опустошила. Манифестъ императора Петра III о вольности дворянства, изданный 18 февраля 1762 года, окончательно обратилъ крестьянъ въ полную собственность помѣщиковъ. Услышавъ о дворянской грамотѣ, крѣпостные люди и особенно крестьяне ждали и себѣ воли отъ службы помѣщикамъ. Они убѣждены были, что помѣщики ихъ временные владѣльцы. Еще крестьянинъ Посошковъ говорилъ: «Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, они владѣютъ ими временно.» Такъ думали и всѣ крестьяне. И вотъ, услышавъ о дворянской грамотѣ, крестьяне думали, что и они тогда же получаютъ свободу. Носились слухи, будто новый государь, даровавшій свободу отъ службы дворянамъ, и повелѣвшій на фабрикахъ и заводахъ производить работу вольнонаемными людьми, готовилъ указъ о свободѣ крестьянъ и вообще всѣхъ крѣпостныхъ людей. Слухи эти тотчасъ повели уже и къ тому, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне явно отказались повиноваться помѣщикамъ, ссылаясь на эти слухи. (Манифестъ 19 июня 1762 г. П. С. З., № 11,577).

Такъ словно тучи передъ грозой скоплялись элементы крестьянского недовольства и повременамъ глухо уже взрывались движеніями, предвозвѣщая страшный громовой грохотъ пугачевщины. И ложные указы о волѣ уже пророчили про манифестъ Пугачева, обѣщавшій надѣлать народъ «и волей, и землей, и рѣкой, и травами, и морями, и провіантомъ, и порохомъ и свинцомъ...»

Между-тѣмъ и крѣпостное право самой черной, градобойной тучей проходило по землѣ русской, по сердцамъ народнымъ чрезъ все XVIII столѣтіе и глубоко отиѣтился слѣдъ его, даже на новыхъ генерациахъ. Оно много побило, погавило умственныхъ силъ въ народѣ, много причинило деморализаціи энергическому, твердому, богатырскому характеру, широкой, кипучей, богатой натурѣ русскаго народа, буйной, размашистой, сбойчатой волѣ его, много испортило крови въ немъ. Оно выразилось вредно не только материально, въ хозяйственномъ и общественномъ быту народномъ, но и нравственно. Оно отиѣтилось не только въ исторіи народной, не только въ житейскихъ общественныхъ и домашнихъ обычаяхъ, понятіяхъ, семейныхъ преданіяхъ и народныхъ легендахъ, но и въ языкѣ русскомъ, въ пѣснѣ народной. . . .

Не лучше было положеніе и вольныхъ казенныхъ крестьянъ. Впервыхъ, правительство въ XVIII вѣкѣ, щедро раздавая земли вельможамъ и иноземцамъ, своихъ государственныхъ крестьянъ обдѣляло землей. Въ южныхъ напримѣръ областяхъ удобныя земли оставались во власти у короны, многія лежали впустѣ, а дру-

гѣя отдавались въ наемъ для паствы, тогда какъ тысячи государственныхъ крестьянъ не имѣли и по осьмины на работника высиать. Казенные крестьяне были тѣже крѣпостные рабы казны и сельскихъ управъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ими управляли больше десяти разныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Начальство это было тогда не въ-мочь тягостно для крестьянъ, какъ докладывали императрицѣ Екатеринѣ I Меншиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ: «Нынѣ надъ крестьянами — писали они въ своемъ общемъ мнѣніи — развѣ десять и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ, начиная отъ солдата до штапа и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися назваться могутъ... мужикамъ бѣднымъ страшнѣ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, комиссаровъ и однихъ командировъ, колыми же паче страшны праведъ и экзекуціи, о которыхъ уже и такъ доносятъ, что крестьянскихъ пожитковъ въ платежъ тѣхъ податей недостаетъ, и что крестьяне не только скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей своихъ закладываютъ, а иные и врознь бѣгутъ.» Самые выборные крестьянскіе головы, старосты, сотскіе и т. п. невольно усвоивъ подъ вліяніемъ приказнаго, капральскаго значенія всякой службы, стали больше мироѣлами, придирчивыми приказными притѣснителями крестьянъ, чѣмъ ихъ излюбленными общинными попечителями. Новое раздѣленіе сельскихъ общинъ при Екатеринѣ II на волости, почти съ одинаковымъ для всѣхъ волостей, арифметически опредѣленнымъ числомъ жителей, введеніе въ сельское управленіе исправниковъ, засѣдателей, становыхъ, писарей — все это были новые, не столько благоустроительныя, сколько стѣснительныя и даже вредныя для крестьянства мѣры администраціи. Скоро волостныя начальства — исправники, засѣдатели, становые, секретари сильно надѣли крестьянамъ и возбуждали между ними ропотъ. Негодованіе, раздраженіе противъ сельскаго чиновничества и судовъ дотога накопило въ сердцахъ крестьянъ со второй половины прошедшаго столѣтія, что стало изливаться въ письменности простонародной вопіющими, раздражительными сатирами. Особенно раскольники любили составлять такія сатиры. Вотъ на-примѣръ отрывокъ изъ крестьянской сатирической «просьбы на исправника», находящейся въ старообрядческихъ сборникахъ :

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!

Просимъ мы слезно, низжайшія твари,
Одноворцы и экономическіе крестьяне,

О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

- 1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда нераздѣлены были мы на волости,
И всякому крестьянину была свобода;
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души выходило,
- 2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житя нѣту.
По наукѣ ихъ головы и сотскіе воры
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слышать было вѣчно...
Прежде тиранили, ненавидя христовой вѣры,
А сімъ мучать, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибыли и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
- 3) Суди насъ, владыко, по человѣчеству;
Какія же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ христовъ-день куриного яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать кросна
Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ празднымъ,
Съ каждаго домишку
Берутъ по полупуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Сбираютъ по полуфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку и витокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они възвѣзжаютъ,
То плуть-десятской съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которые помоложе,
Да ужъ и говорить о томъ не пригоже!
Приѣзды ихъ весьма для насъ обидны,
Тебѣ, владыко нашъ, самому очень видны.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки —
Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки

Отъ влaстителей такихъ велика намъ бѣда ;
Избавь насъ, господа, отъ земскаго суда

Въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтiя, казенное крестьянство находилось въ самомъ жалкомъ состоянiи. Мордвиновъ такъ изобразилъ «крайнее обиженiе земледѣльческаго сословія» въ это время: «Въ Россiи 18 миліоновъ мужскаго пола душъ сѣютъ хлѣбъ чтобъ прокормить 2 или 3 миліона остальныхъ затѣмъ жителей... Дабы при такихъ мрачныхъ обстоятельствахъ, земледѣльческое наше сословіе (каково почти и во всѣхъ государствахъ есть самое бѣднѣйшее) могло какъ ни есть разживаться, то долженствовали бы покрайней-мѣрѣ облегчать оное всячески въ казенныхъ поборахъ; напротивъ того, сословіе сіе обремененное у насъ боиѣ другихъ, и казенными налогами, и личными повинностями, и рекрутскими наборами, и дальне-срочнымъ служенiемъ въ полкахъ. Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселянъ, то великая площадь, занимаемая въ россійскомъ государствѣ 12 миліонами сихъ мужскаго и женскаго пола людей, при настоящемъ положенiи у насъ сельскаго хозяйства, не можетъ не оставаться надолго въ дикомъ и скудномъ состоянiи. Тамъ, гдѣ сохою скребуть землю не глубже, какъ на 4 пальца, гдѣ работаетъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ урожаи даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или много 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ мякинный, конечно, владыкѣ сихъ 12 миліоновъ душъ достаточнаго стяжанiя отъ нихъ ожидать не можно. Нѣтъ на семь великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго россійскаго государства и можемъ выѣстить нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадебъ, ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земли орудiй, ни рукодѣльныхъ завеленiй, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія многа, кромѣ крестьянскаго, ни лицъ, могущихъ управлять, ни лицъ, могущихъ просвѣщать, нѣтъ и начальныхъ даже учрежденiй къ возрожденiю впродъ благоустройства. Какое нелюбообразное великой части имперiи состоянiе. Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 миліоновъ пахарей и пастуховъ, живя среди мховъ и лебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, *оставляемы будутъ* безъ всякаго урядства и просвѣщенiя ихъ во всемъ, что потребно къ благоденствію народному». Таково было положенiе крестьянства въ теченiи всего XVIII столѣтiя. Въ началѣ XVIII столѣтiя, именно въ 1713 году, самъ Петръ великій сознавался: «что возрастаютъ на тягость всевародную и умножаются

для лукавыхъ приобретшій и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, а тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а *наипаче крестьяне приходятъ въ разоренье и бѣдность.*» Въ началѣ XIX столѣтія, Мордвиновъ изображалъ въ такомъ же видѣ «крайнее обѣдненіе земледѣльческаго сословія». Въ статьѣ о *налогахъ*, онъ тоже замѣчалъ: «въ Россіи земледѣльческое и мѣщанское, сіи два величайшія сословія, на коняхъ лежатъ подати, составляющія главныя статьи государственнаго дохода, наиболѣе прочихъ сословіи стѣснены и лишены способовъ къ обогащенію». При такомъ уровнѣ бѣдности, при этой равной изобиженности, безправности крестьянъ и мѣщанъ, очень естественно равенство ихъ и въ понятіяхъ и въ стремленіяхъ. Крестьянинъ и солдатъ изъ мѣщанъ, мѣщанинъ и солдатъ изъ крестьянъ — это братья — близнецы, которые сразу поймутъ другъ друга, и равно способны на одну и ту же инициативу. Удивительно ли послѣ этого если какой-нибудь солдатъ изъ мѣщанъ переяславскихъ и крестьянинъ пошехонскій идутъ вмѣстѣ по костромскимъ лѣсамъ, думаютъ одну думу, живутъ въ одной кельѣ, и вмѣстѣ основываютъ и распространяютъ одно согласье бѣгуновъ, и въ ихъ согласье бѣгутъ толпы братій ихъ, и крестьянъ, и мѣщанъ, и солдатъ, и всѣ равно увлекаются новымъ ученіемъ! Стало, у всѣхъ на сердцахъ что-то одно...

Плоть отъ плоти, кровь отъ крови крестьянства, — солдатство, неменѣе крѣпостного народа, тяготилось своимъ крѣпостнымъ положеніемъ въ службѣ царской! (1) Теперь народъ уже непривыкъ къ рекрутчинѣ. Да и то, надобно только быть въ отдаленной деревнѣ, въ наборъ, чтобъ слышать не въ домахъ только, а по всѣмъ улицамъ раздающійся плачь и рыданье надъ живымъ погрѣбаемымъ молодцомъ... Чтоже было въ ту пору, когда въ первый разъ вышелъ страшный указъ о рекрутскомъ наборѣ, указъ 20 февраля 1705 года о наборѣ съ двадцати дворовъ по рекруту, когда народная семейная жизнь была еще замкнутѣе, самоуглубленнѣе, патріархальнѣе, чѣмъ теперь? Легко представить этотъ стонъ, вопли, рыданія и даже проклятія, какія изливались въ слезныхъ причитаньяхъ надъ рекрутами на учредителя рекрутчины. И тѣмъ болѣе народъ раздражался тогда рекрутскими наборами, что они были слишкомъ часты и разорительны для семействъ крестьянскихъ и посадскихъ, и поглощали самое лучшее, молодое, здоровое, могучее рабочее поколѣніе земства, продерживая его въ солдатствѣ подъ на-

(1) По выраженію Меншикова, Остермана, Макарова и Волкова, «солдатъ съ крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата».

лочной дисциплиной, въ казарменной удушливой средѣ, дѣтъ двадцать-пять и болѣе. Если не ошибаемся, при Петрѣ ужь было всѣхъ наборовъ, мѣстныхъ и общихъ, до сорока, въ томъ числѣ однихъ повсемѣстныхъ — до пяти. Тутъ поглощено было народу покрайней-мѣрѣ до 180,000 человекъ на одно регулярное войско что очень немаловажно по тогдашнему числу всего народонаселенія. Только съ 1719 г. по 1725, втеченіи шести лѣтъ, взято въ рекруты болѣе 70,000 человекъ. А съ 1718 года, втеченіи слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, рекрутчина поглотила въ одной великой-Россіи до 1,132,000 рекрутъ, т. е. шесть человекъ изъ положенныхъ въ полушный окладъ. Потомъ, въ какія-нибудь первыя пять лѣтъ царствованія Екатерины II, въ семь наборовъ, рекрутчина забрала до 327,044 человекъ, кромѣ церковныхъ причетниковъ. А какъ набирали рекрутовъ и везли въ полки! «А именно, читаемъ въ указѣ, данномъ изъ военной коллегіи 20 октября 1719 года: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ сберуть, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведши въ городъ, держатъ въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не по малу времени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ извуривъ, и потомъ отправятъ, не разсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человекъ была, и съ нужнымъ пропитаніемъ, къ тому-жъ поведуть, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни, и помираютъ безъ временно, а всего злѣе, что многія безъ покаянія; другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ домахъ, пристають къ воровскимъ компаніямъ... Отчего такія великія въ государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ такихъ бѣглецовъ. Другіе, хотя бы и съ охотою хотѣли въ службу идти, но видя сначала такой надъ своею братією неурядокъ, въ великой страхъ приходятъ.» Послѣ Петра, и даже во второй половинѣ прошлаго столѣтія такъ же дурно обращались съ рекрутами. Въмѣсто того, чтобы этихъ бѣднягъ, и безъ того безутѣшно избитыхъ разлукой съ роднымъ семействомъ и проч., утѣшать челоѣколюбивымъ обхожденіемъ съ ними, ихъ еще обирали «тягостными корыстными приметками и употребляли въ партикулярныя работы». Во время набора, до подготовки квартиръ, забранные рекруты въ большомъ множествѣ стояли зимой, въ стужу, на дворѣ, а ночь проводили въ торговыхъ баняхъ въ жару, и т. и. Отрадно ли было родителямъ видѣтъ въ такомъ положеніи своихъ дѣтей, братьямъ — братьевъ? Приятно ли, спосно ли было несчастнымъ рекрутамъ, еще до службы царской, претерпѣвать такое мученье? Да, не даромъ вѣрно, въ народномъ эпосѣ сложилась особая молод-

децкія рекрутскія пѣсни, какъ сложились они и про все, что только тяжело протрадалъ народъ нашъ на своемъ историческомъ вѣку. Вотъ напримѣръ одна изъ старыхъ рекрутскихъ пѣсенъ :

• Попила, головушка, пила, погуляла,
 За батюшкины, за матушкины, буйны-головы,
 За братьины и за невѣстины легкія работы
 Со радости, со весельца кудерюшки вьются,
 Со печали русыя сѣкутся,
 Послышали кудерюшки надъ собой невзгоды :
 Невзгоды, мои кудерюшки, большое солдатство,
 Вечоръ-то меня, молодца, вечеръ поимали,
 Рѣзвы ноженьки во желѣзы сковали,
 Бѣлы рученьки назадъ завязали,
 Посадили добраго молодца въ легкія сани,
 Повезли-то меня, добраго молодца, по большой дорогѣ,
 По большой дорогѣ въ симбирскую губернію,
 Поставили добраго молодца на мірску фатеру,
 Поутру добраго молодца рано поднимали,
 Повели-то добраго молодца меня ко приему,
 Поставили подъ казенную мѣру.
 Я подъ мѣрушку добрый молодецъ не вышелъ,
 И только вышелъ русыми кудрями, черными бровями. •

Служба солдатская нелегче была въ прошломъ столѣтіи рекрутскаго набора. Но при Петрѣ великомъ солдаты ясно понимали свои подвиги и заслуги въ походахъ Петра, и въ тоже время такъ смотрѣли на многія его учрежденія, какъ только сама горькая жизнь, практика народная взвѣшивала ихъ, какъ прочувствовали, протрадали, перенесли реформы Петра на плечахъ своихъ податныя, крѣпостныя, рабочія и служилыя массы народа, и какъ должна объ нихъ сказать правдивая, чисто-народная исторія, оцѣнивая ихъ неотвлеченно, не по предзанятымъ идеямъ, а по чувствамъ, по страданіямъ перенесшаго ихъ на себѣ народа, современнаго Петру. Приводимъ здѣсь цѣликомъ замѣчательное «подметное письмо» солдатъ петровскаго времени, напечатанное въ «Чтеніяхъ общ. истор. и древн. росс.» за 1860 г. во II книгѣ :

«Уже тому пятнадцать лѣтъ, какъ началась война съ шведомъ, нигдѣ мы худо не сдѣлали и кровь свою не желѣючи проливали, а и повинѣ себѣ невидимъ покою, чтобъ отдохнуть годъ или другой, жоня и дѣтей не вишимъ, насъ какъ нарочно мучать, кругомъ обволать Москву, что чрезъ Москву ближе было итѣтить въ Питербурхъ, нежели чрезъ Псковъ. Сравнили насъ съ посохою; уже приполъ изъ коняни, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день и ночь упокою намъ нѣтъ; и деньги, старой окладъ, отнимають, и впрядь

намъ добра ждать нечего ; хоть кого и отъ службы отсгавятъ, одна-кожъ не покой , тажъ служба. И въ Питербурхѣ : уже мы вѣдаемъ, то неоднова говорено , что дамъ отдохнуть , а именно послѣ турецкой акци и полтавской батали, а правды нѣтъ. Вить, мы не ангели, что пятнадцать лѣтъ служи безъ отдыху. Мы на службѣ грѣшимъ, а жоны наши дома иные уже замужъ вышли. Будеть то, какъ настъ, гдѣ ни есть , въ мори потопить , или гдѣ взойдетъ чрезъ воды и всѣхъ поберуть. Уже вить двѣ причины было въ перьво нарвевскомъ походѣ , въ другой — въ турецкую акцію , смотри и третей причины , либо полонъ дворъ , либо корень нонъ ; уже чрезъ мѣру лѣто и осень ходилъ по морю , чево неслыхано въ свѣтѣ , а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ , а иные на камняхъ зимуютъ. съ голоду и съ холоду помирають. А государство свое все разорилъ , что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы. Чево больша отъ Бога хотѣлъ , что въ Помераніи и славу велию показали , тако-жъ и въ другихъ мѣстахъ завоевали ; потомъ было отдохнуть и Богу благодареніе воздать , и царство свое управить , развести всякія неправды , утолить сирыхъ нашихъ , въ томъ бы уголно Богу и слава во всѣ страны произошла ; а то , хотя и была Фортуна на пятнадцать лѣтъ , а иногда слѣбается въ пятнадцать минутъ худо и слава вся пройдетъ : въ одной Fortunѣ человекъ не можетъ жизнь свою изжить. Уже починъ есть : слѣбаемъ мы такъ : смолвимся человекъ 1000 или 2000 ; хотя и непохотять которые дворянички , а иные есть на нашу руку , а въ другихъ полкахъ мы съ многими говаривади , всѣ готовы , такожъ и черный народъ , и они такожъ говорятъ ; отъ такова распорятку и чрезмѣрной такой войны быть намъ въ великой скудости : по такихъ-де , щастливыхъ побѣдахъ , не далъ отдохнуть ; танерь пошло , и невѣдамо докуль , одно воевать только и вытвержено. А хотя , де надъ нами нещастье будетъ , то мы и пошлп прямо въ швецкія войска : коли де , онъ неумѣеть нами владѣть , что уже я мы видимъ , какъ гдѣ служить и муку терпятъ , а надъ нами уже такъ дѣлають , что не можно человекъ вытернить. Вить мы не какъ стрѣльцы , не придемъ съ повинною , примуть настъ вездѣ съ ружьемъ слуить. Какъ такъ , что пятнадцать лѣтъ , и уже отдыху нѣтъ ! Вить мы не постриглись въ монастырь ! Что говорятъ : « умная голова , умная голова ! » Коли-бъ умная голова , могъ бы такую человекъскую нужду разсудить : какъ такъ долго служить , и безъ грѣха прожить , и что будетъ на томъ свѣтѣ за такой грѣхъ отвѣчать. Такъ приводитъ , чтобы изъ нашихъ душъ не было ни малаго христіанства. Только полюбился Питербурхъ , развѣ тово ждать , какъ въ тюрьму посадить ? Уже въ Питербурхѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей , напрасною смертію , че-

ловѣкъ больше миллиону. Вотъ смотри, такъ сдѣлаетъ надъ нами: какъ шведъ зашолъ въ руки и все свое потерялъ, такъ и насъ гдѣ-нибудь заведеть, либо въ морѣ потопить, или заведчи гдѣ въ камняхъ съ голоду поморить; а ужъ намъ Котлинъ аль злой? Во гдѣ мы мудрость ево всю видимъ? Выдалъ штуку въ гражданскихъ правахъ, учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть у одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволокитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ, въ кампаніе ты-бъ ихъ небралъ,» и проч.

И послѣ Петра великаго втеченіи всей первой половины XVIII столѣтія, да нѣсколько и позднѣе, все горька, тяжела была для рекрутъ и солдатъ служба. Да съ чего-нибудь да сложились же эти горемычныя солдатскія пѣсни, которыя пѣлись особенно бѣглыми солдатами. . . .

Бѣглые солдаты и въ наше время есть у насъ какъ и вездѣ. Намъ доволилось читать одно въ высшей степени любопытное современное дѣло о бѣглоиѣ солдатъ-раскольникѣ. Доволилось я слышать многое о бѣглыхъ солдатахъ. Но никогда бѣглыхъ солдатъ не было столько, сколько ихъ было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, особенно при Петрѣ великомъ, какъ увидимъ дальше. Главной причиной ихъ бѣгства очевидно было дурное положеніе солдатства.

Таково было въ обшихъ чертахъ положеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народа, со времени реформъ Петра великаго и въ эпоху развитія, происхожденія и распространенія согласія бѣгуновъ. Все мучило ихъ, возбуждало недовольство и располагало къ бѣгству — единственному спасенію въ безвыходнотажоломѣ, стѣсненномъ, крѣпостномъ положеніи. И бѣгство въ XVIII вѣкѣ было непрерывное, неудержимое, повсемѣстное, особенно на юговостокѣ и на западной границѣ. Бѣжать тогда было какою-то роковой необходимостью для податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ сословій. Бѣгство составляло путь спасенія, единственный способъ совершеннаго и рѣшительнаго отрицанія всего, что не нравилось, что тяготило въ мірѣ. Только и оставалось явиться учителю-бѣгуну, чтобъ возвести бѣгство въ доктрину, въ догматъ, назвать спасенымъ путемъ. Бѣгство вдохновляло пѣсню народную и выразилось особымъ цикломъ пѣсней, въ молодецкомъ, разбойничьемъ и солдатскомъ народномъ эпосѣ. И какой-то широкой, необъятный, неудержимый, богатырскій разгулъ, просторъ воли выразился въ этихъ пѣсняхъ. Жажда гуляльная, несдержимое стремленіе куда-нибудь въ степь саратовскую, въ степь моздокскую, жажда летать соколомъ, жажда все съ кѣмъ-то сразиться въ чистомъ полѣ — вотъ что выливается въ молодецкой, разгульной

пѣснѣ. Изъ Сибири добрый молодець рвется въ великую Россію,
поеть :

Не пора-то ли мнѣ доброму молодцу
Ѣхать во Ростюшку гулять...

И здѣсь попадается въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ поеть пѣсню
«про сокола во поимани».

Съ молодцу закалалась въ крови молодецкая жажда гулянья,
склонность къ бѣгству. Про мальчугу пѣсня поеть :

Вотъ отколь, отколь мальчуга!
Онъ изъ родины бѣжалъ,
Онъ оставилъ мать-старуху
И отца-старика.

Давно рвались, бѣжали удалые буйные молодцы, вольные, гулящие люди всякаго чина, внизъ по Волгѣ, на тихій Донъ казачій, въ степь саратовскую, на Яикъ и въ Приуралье. Горькое, злобное недовольство Москвой, государствомъ гнало ихъ туда въ XVII вѣкѣ. Пронеслась кровавая борьба съ Москвой буйнаго Стеньки Разина и утихла; только тихій Донъ оглашался съ тѣхъ поръ богатырскимъ, вѣковѣчнымъ народнымъ эпосомъ про Степана-свѣта Тимофѣевича, и пѣсни эти вторились на тысячи голосовъ, на разнообластныя варіаціи и мотивы черезъ все XVIII столѣтіе: и въ тяжолую петровщину, и въ страшно-кровавую бироновщину, и въ буйную, могучую, страшно-грозную пугачевщину. Только вмѣсто сподвижниковъ Стеньки Разина — казаковъ, эти разгульныя пѣсни прилагались къ бѣглымъ солдатамъ, къ бѣглымъ рекрутамъ, буйнымъ молодцамъ, да къ разбойникамъ. Затихъ казачій тихій Донъ послѣ Стеньки Разина. Но сквозь всѣ слержки, положенныя Петромъ, молодецкая, разгульная, буйная удалъ все прорывалась и на тихій Донъ, и въ степь саратовскую, и въ оренбургское Приуралье. Какъ ни преслѣдовали Петръ великій и его преемники стародавнихъ *вольныхъ гулящихъ людей*, а они все-таки разгуливали по чисту полю южно-волжскому. И пѣсня не даромъ слагалась про бѣглыхъ молодцовъ, зашагавшихся, загулявшихся и съ грулью прострѣленною.

Не былинушки въ чистомъ полѣ зашаталися,
Зашатался, загулялся доброй молодець
На своемъ ли на добромъ конѣ богатырскимъ.
Его бѣла грудь прострѣлена,
Миткалина рубашечка вся кровью забрызгана.
Прикачнулся добрый молодець, привольнулся,
Привольнулся къ тиху Дону и проч.

Рекруты, по словамъ Петра великаго, бѣжали изъ полковъ, и боясь явиться домой, шли въ «воровскія компаніи». А другіе буйные, удалые молодцы бѣжали въ южныя степи, куда въ XVIII вѣкѣ обыкновенно сбѣгались всякаго рода бѣглецы люди. И не рекрутчина только могла гнать въ XVIII вѣкѣ въ дикую степь. Мало ли могло быть горечи житейской, семейной, когда быть народа вообще былъ жалокъ, бѣдственъ, печаленъ. И Ломовосовъ въ то время оставилъ свою родную избушку, отца, мать, и бросился въ путь-дорогу далекую, невѣдомую, — и еслибы не обозъ, тоже могъ бы гдѣ-нибудь замерзнуть зимой, или погибнуть какъ-нибудь. И стало-быть много погибало молодцовъ въ дикой степи, когда про нихъ сложились особыя, народныя пѣсни. Напримѣръ вотъ пѣсня «про смерть молодца въ степи».

Не пыль-то въ полѣ запылилася,
 Не туманъ-то съ моря подымается:
 Подымались гуси, лебеди,
 Гуси лебеди, утки сѣрыя.
 Не сами собою они подымались,
 Яснаго сокола они испужались,
 За ѣмъ летитъ старъ сивой орелъ,
 Закричалъ онъ, возгаркнулъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 Ужь ты стой, постой младъ ясенъ соколъ!
 Я не бить лечу, я спросить хочу:
 Ужь и гдѣ ты былъ, гдѣ погуливалъ?
 Я гулялъ погулялъ во дикой степѣ,
 Во дикой степѣ во саратовской;
 Налетали мы на диковинку,
 Тамъ диковинка не малая:
 Лежитъ тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое, молодецкое.
 Не убить лежитъ онъ, неизрѣзанный,
 Вострымъ копьецемъ онъ весь исколотый.
 Кругъ его вьются три ласточки:
 Первая ластушка — родной батюшка,
 А вторая ластушка — родная матушка,
 А третья ластушка — молода жена.
 Гдѣ отецъ плачетъ, тутъ ключи текутъ.
 А гдѣ мать плачетъ — Волга матушка прошла,
 А гдѣ жена плачетъ — роса утренняя;
 Солнышко взойдетъ, вся роса спадеть.

Послѣ къ бѣгунамъ бѣжали и такіе молодцы, бѣжали сыновья и дочери отъ отцовъ и матерей. Пристано-держатели бѣгуновъ скри-

вали ихъ у себя также гостепрѣивно, какъ и разбойниковъ. Разбойники — это особый, многозначительный въ народной исторіи типъ бѣглыхъ. Отъ мифическихъ богатырей, не чуждыхъ тѣни разбойничества, отъ новгородскихъ ушкуйниковъ, соединившихъ въ себѣ съ разбойничьимъ характеромъ типическое новгородское отлячіе, пролагателей путей колонизаціи, торговли и промышленности, отъ Стеньки Разина и его сподвижниковъ казаковъ, которые называли себя не ворами, не разбойниками, а Стеньки Разина помощниками — до разбойничества XVIII столѣтія и до пугачевщины много перемѣнъ совершилось въ духѣ народномъ, также какъ много перемѣнъ произошло въ бытѣ народномъ, отъ вѣчевой воли до государственной сдержанности, до ревизской, паспортной и т. п. крѣпостности. Разбойничество XVIII столѣтія было уже новымъ, своеобразнымъ характеристическимъ явленіемъ въ народной исторіи. Оно истекало изъ историческаго положенія крѣпостныхъ, служилыхъ и черно-рабочихъ массъ народныхъ въ XVIII вѣкѣ. Особенно порождали его солдатчина, крѣпостное право и деспотизмъ областного начальства. Разбойничество XVIII столѣтія было какимъ-то злобнымъ, свирѣпымъ мщеніемъ, большею частью направленнымъ на богачей, на дворянъ-помѣщиковъ, на начальниковъ. Часто оно было и какимъ-то дикимъ, безразборнымъ разгуломъ могучей физической силы, жаждавшей простора, кинѣвшей какимъ-то неопредѣленнымъ, несознаннымъ злобнымъ чувствомъ мщенія. Но и оно заключало въ себѣ тѣ элементы, которые послѣ вызвали согласье бѣгуновъ и пугачевщину. Въ разбойничествѣ первой половины XVIII столѣтія выражалась какая-то свирѣпостительная народная реакція, такимъ звѣрскимъ явленіемъ, какъ напримѣръ бироновщина. И разбойничество отчасти тоже было грубымъ, дикимъ отрицаніемъ противосвободныхъ, противонародныхъ элементовъ въ государствѣ. Оно было, такъ сказать, дикимъ, лѣснымъ бѣгунствомъ. «Воровскія разбойничьи компаніи» первой половины XVIII столѣтія, — это лѣсныя согласія бѣгуновъ, основанныя не на ученіи, не на доктринахъ, а просто проникнутые разгуломъ, разбойническимъ мщеніемъ и грабежомъ. Оттого послѣ и пристано-держатели бѣгуновъ были въ согласіи съ разбойниками, держали ихъ въ своихъ «пристанахъ» или «мѣстахъ».

Вообще въ XVIII столѣтіи, во внутреннемъ состояніи земства, много было мотивовъ къ бѣгству всякаго рода. Ревизія душъ, раздѣливъ земство поголовною переписью на военно и гражданско служилыхъ дворянъ, на духовно-служилыхъ церковниковъ, обязанныхъ учиться «въ належаду священства», на гильдейско-цеховыхъ торговоремесленныхъ людей, на помѣщичьихъ крѣпостныхъ и на

казенно и дворцово-крѣпостныхъ людей и крестьянъ, вмѣстѣ съ табелью о рангахъ, съ казеннымъ чиновно-служебнымъ раздѣленіемъ школъ, окончательно произвело сословное раздѣленіе земства. Откуда уже неизбежно развивался сословный антагонизмъ, дошедшій въ половинѣ XVIII столѣтія до полного развитія, до открытой непріязненности сословій. Вслѣдствіе кастально-сословнаго раздѣленія земства, вслѣдствіе отнятія молодыхъ, здоровыхъ, мощныхъ, лучшихъ рабочихъ силъ земства, крестьянства и мѣщанства, отъ мирнаго производительнаго труда, отъ своей земли и общины, для службы отвлеченнымъ, общимъ, непонятнымъ для массы народной интересамъ имперіи, казны, — естественно пришли въ хаотическое смущеніе и броженіе земскія общины. Вѣковымъ сочиненіемъ и постояннымъ измѣненіемъ табелей губерній, вѣковой перестановкой, перепиской областныхъ общинъ изъ одной провинціи въ другую, изъ уѣзда въ уѣздъ, черезполосно, нарушена была самая федеративно-територіальная областная стройность, цѣльность, естественно-историческая привычная расположенность земства, данная всѣмъ вѣковымъ бытомъ, свободнымъ колонизаціонно-хозяйственнымъ земскимъ самоуправствомъ и самораспредѣленіемъ народа, опредѣленная физико-географическими, мѣстнобытовыми и этнографическими условіями. Вѣковымъ *оземствованіемъ*, ссылками, переселеніями, гоненіями перемѣшанъ сложившійся на исторической почвѣ строй и составъ общинъ, міровъ, произведена насильственная хаотическая смѣсь въ составъ ихъ населенія. Однимъ словомъ, въ земствѣ происходилъ *расколъ*, и кастально-сословный, и политико-географическій или земско-областной, и даже этнографическій. Вслѣдствіе этого раскола, разобщенія разрозненія въ земствѣ, и расколъ старообрядства, расколъ церковно и земско-демократическій развивался еще сильнѣе, и возсталъ противъ раздѣленія челоуѣкъ на чины или на сословія, противъ ревизіи душъ, противъ самой перепутаницы земли русской, и сталъ пятать пуризмъ этнографическій, антагонизмъ къ иновѣрцамъ и къ православнымъ мірянамъ, убѣгалъ изъ *міра*, боялся *оміщенія*. Вслѣдствіе того же раскола, разобщенія, разрозненія въ земствѣ неизбежно происходила эта расплывчивость, расходчивость въ земствѣ. Такимъ образомъ произошло въ земствѣ броляжничество и бѣгство. Бѣжали земскіе люди отъ *міра*, изъ земской общины, потому что по выраженію раскольниковъ, духъ антихристовъ возбѣялъ на міръ, помутилъ міръ, согласие, разрознилъ членовъ общинъ, сдѣлалъ общины съ ихъ выборными представителями служебными орудіями имперіи. Бѣжали земскіе люди отъ рекрутчины, потому что она убивала лучшихъ производительныхъ рабочихъ силъ, въ самой свѣжей

ихъ мощи и жизненности, отрывала отъ труда, матерьяльно, существенно полезнаго и для дома и для другихъ, отрывала отъ семьи родной, для войны, пользы которыхъ на себѣ вовсе не испытывалъ народъ, а только несъ одинъ ущербъ. Бѣжали земскіе люди отъ налоговъ, отъ податей и повинностей, потому что они въ первой половинѣ XVIII вѣка были особенно несносны, притомъ подрывала частное благосостояніе земства, земское экономическое самоустройство и самораспоряженіе. Бѣжали далѣе земскіе люди отъ крѣпостного ига, потому что не было мочи жить подъ помѣщичьимъ деспотизмомъ. Бѣжали отовсюду, изъ городовъ, изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. Бѣжали горемычныя церковническія дѣти изъ бурсъ семинарскихъ потому что больно-тяжело было ихъ, по выраженію духовнаго регламента «жестокостное, инокамъ подобное житіе.» Бѣжали и потому еще, что безвыходно было положеніе ихъ и по окончаніи курса; напримѣръ горемычныя студенты александровской семинаріи, въ 1747 году, такъ вопіяли о своемъ безвыходномъ положеніи по выходѣ изъ бурсъ, по случаю вышедшаго въ то время указа о поставленіи въ священники никакъ не ранѣе тридцати лѣтъ: «Гдѣ намъ, низайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или сродниковъ? Но тѣхъ большое насъ число не имѣеть. Рукодѣлемъ кормиться? Но того не обучалъсь. Куплями ли промыслять? Но и на двѣ лепты почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другого изъ насъ и родитель сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣеть: какъ же кормить толь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такіа лѣта надѣется помощя, станетъ. При семинаріи уже ни сакъ ни такъ оставаться и тридцати лѣтъ дожидаться вовсе немочно. Ибо и такъ уже бѣдственное школьническое житіе паче мѣры наскучило, внѣ котораго можетъ быть давно уже иные честное себѣ заслужили прокормленіе. И такъ мы, низайшіе, вмѣсто чаямаго за труды дванадцатилѣтніе награжденія, богъ-вѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ; въ священники безъ всякаго излѣтія, по тридцати лѣтъ требуется; въ дьяковы желаемаго прихожаны голосу недостаетъ; въ дьячки же и пономари стыдно и весьма обидно, и кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ, и наипаче отъ тѣхъ, которые за тушностію къ ученію или другимъ коимъ недостаткамъ отставлены отъ семинаріи, и давно по мѣстамъ таковымъ опредѣлены, и живутъ себѣ благополучно, въ совершенномъ житія станѣ, больше нѣтъ чего надѣяться. Отчего и тѣмъ, которые въ классахъ обучаются, уповательно, что охота къ ученію крайне ослабѣеть.» При такомъ положеніи духовныхъ бурсаковъ, удивительно ли что въ XVIII столѣтіи множество изъ нихъ предавалось бѣгству изъ бурсъ. Въ

учительскихъ каталогахъ первой половины прошлаго столѣтія часто отмѣчалось: *semper fugitiosus*. Если и въ наше время еще сильно было въ обычаѣ такъ называемое въ класическихъ журналахъ «нахожденіе въ бѣгахъ», то можно себѣ представить, что было въ прошломъ столѣтіи. Неудивительно также и то, что во второй четверти XVIII столѣтія церковники, вмѣстѣ съ крѣпостными людьми, поднимали бунты, за то что и ихъ прикрѣпляли къ помѣщикамъ или отдавали въ солдаты.

Короче скажемъ, бѣжали и бѣгали по бѣлу свѣту всякихъ чиновъ люди, но всѣхъ болѣе податные, крѣпостные и служилые. И собирались эти бѣглецы въ разныя компаніи, согласья, скнпшца. Одни, могучіе физическими силами, собирались въ «воровскія и разбойничьи компаніи большія», и чинились по словамъ Петра великаго, вмѣсто его царскаго величества подданныхъ, злодѣи всему государству, собирались больше полустолѣтія, чтобъ произвести наконецъ *пугачевщину*. Другіе, обладая нравственными силами, движимые религіозно-политическими ученіями, бѣжали въ лѣса, въ горы, въ степи, тайно отъ правительства, основывали свои вольно-народныя колоніи, общины, въ противоположность приказно-государственной, преимущественно военной колонизаціи XVIII столѣтія, собирались въ свои мирныя общины, въ *согласья*, стремились къ особно-облавному самоуправству и самоуправленію. Первые, во имя Степекъ Разныхъ, во имя Пугачевыхъ, собираясь въ *воровскія и разбойничьи компаніи*, или въ *многочлюдныя и вооружонныя станицы бывлыхъ драгунъ, солдатъ, рекрутъ* и казаковъ, и соединяясь съ бѣглыми крѣпостными и разночинцами, помогались, въ пугачевщину, поколебать существующій порядокъ. Вторые во имя стараго вольнонароднаго земскаго устройства, подъ знаменемъ религіозно обрядовой старины, стремились наибольше путемъ мирной пропаганды основать вездѣ по областямъ свои общины, согласья, привести ихъ всѣ, по выраженію Федосѣевского собора 1751 года, *въ любовь и соединенье*, и образовать изъ всѣхъ согласій общій совѣтъ или соборъ. Во второй половинѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, зачатки федераціи старообрядческихъ общинъ, зачатки мѣстныхъ и общихъ совѣтовъ или собраній уже обнаруживали значительное развитіе.

Въ первой же половинѣ XVIII столѣтія, расколъ только охравлялся, спасался и пропагандировался путемъ бѣгства. Жестокое преслѣдованіе бѣглыхъ и разбойниковъ, жестокое гоненіе раскола, бирюковщина усиливали бѣгство и разбойничество, ускоряли появленіе пугачевщины, озлобляли и усиливали расколъ. Крѣпкія тюрьмы, желѣзныя окопы цепенявали разбойниковъ, не выры-

дали изъ сердце ихъ накинѣвшей закосиѣлой злобы. Они и въ тюрьмѣ пѣли о лѣсахъ и станахъ своихъ, какъ гласить старинная пѣсня :

Вы лѣса ли наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
 Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе,
 Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые,
 Вы друзья ли наши, братцы, товарищи!
 Лѣса наши всѣ порублены,
 А кусты наши всѣ поломаны,
 Всѣ станы наши разорены,
 Всѣ друзья наши товарищи переловлены.
 Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
 Рѣзавы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны.
 У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
 Грозные сторожи, brave солдатушки,
 Никуда-то намъ, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни выпуску,
 Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.
 Ты возмой, возмой туча грозная,
 Ты разбей-ко, разбей земляны тюрьмы
 Чтобы разбойнички-друзья разбѣжались.

Точно также не искоренялся, а только закалялся и крѣпъ расколъ отъ гоненій. Лѣтописи старообрядческія ужасными чертами изображаютъ страшное время бироновщины. Въ раскольничьей книгѣ, недавно вышедшей за границей, подъ заглавіемъ «церковная исторія», читаемъ напримѣръ такое сказаніе «о мучительствѣ въ станицахъ донскихъ казаковъ».

«Въ царствованіе російской императрицы Анны Іоанновны, посланный полномочный чиновникъ, прибывъ въ станицы донскихъ казаковъ для приведенія ихъ всѣхъ безъ изъятія къ новопреданнымъ церковнымъ догматамъ, и когда отнюдь не находилъ въ нихъ склонности, принялъ самыя жестокія мѣры, начиналъ отъ верхнихъ станицъ, перебирая поединому каждое семейство разными мучительными пытками, и ничтоже успѣвъ, наконецъ каждому семейству повелѣлъ выходить на берегъ Дона и избирать изъ двухъ едино — или присягать къ принятію новопечатныхъ книгъ въ соединеніе съ великороссійскою церковію, или на висѣлицѣ умирать, и всѣ согласились умереть. Непонятнымъ ужасомъ исполнено было зрѣлище, когда изъ каждаго дома отецъ съ матерью и дѣтьми, съ неизъяснимымъ воплемъ и рыданьемъ на берегъ Дона торжественно шли за вѣру умирать, и другъ друга объемлюше, отецъ сына, а мать дочь, утопали въ слезахъ. Мучитель подавалъ лишь знакъ, — и вдругъ вздергивались на висѣлицу и умирали, а по умертвіи мучитель повелѣвалъ тѣла бросать въ рѣку, да тѣмъ

плывущими мертвецами возвѣстить и прочимъ нижнимъ станицамъ, какова постигнетъ и тѣхъ година. Сіе дѣялось первѣе ближе съ приѣзда объ одной сторонѣ Дона, а между тѣмъ прочія станицы, подѣ командою мудраго и къ преданіямъ святоотеческимъ всеревностнаго атамана Игнатія Некрасова съ елико-возможною успѣшностью и легкостью, въ одну ночь свелись и *поднялись въ бѣгство всего 40,000* самыхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми, оставя на мѣстѣ все свое домовое заведеніе и прочее тяжелое имущество, хотя у многихъ отняты были и самыя конскіе табуны; но и изъ нихъ многія семейства только съ тѣломъ и душой присовокупались. Тако сей благочестивый народъ, подѣ предводительствомъ своего богомудраго атамана Некрасова единственно направлялись промысловъ божіимъ съ немалымъ пріятствіемъ, однако наконецъ благополучно перешолъ Дунай въ турецкіе предѣлы. О такомъ жалостномъ послѣдствіи, сверхъ рукописныхъ исторій, между рукъ старовѣрцевъ находящихся, свидѣлствуютъ со стороны даже самихъ гонителей подлинныя слова изъ печатнаго изданія, подѣ названіемъ историческій, политическій и литературный журналъ Сынъ Отечества».

Вслѣдствіе такихъ гоненій, отъ мучительства биронова, по словамъ Болтина, бѣжало за границу неменѣе 250,000 д. муж. пола. Въ той же старообрядческой «церковной исторіи» сказано:

«Здѣсь покрайней-мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленныя очи свои и пробѣжимъ общимъ взглядомъ нетоко по россійскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частью и Азіи для чувствительнаго понятія, како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя овцы, что наполнились ими горы и холмы и непроходимыя лебри. Населились отъ вѣковъ ненаселяемыя отдаленныя сибирскія и кавказскія горы. Умножились россійскимъ народомъ области: малороссійская, бѣлорусская, польская и бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція, европейская и азійская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И все такое безчисленное множество россійскаго народа, единственно по причинѣ невозможности внутри Россіи содержать древне-церковныхъ чиновъ и уставовъ подѣ жестокимъ притѣсненіемъ и казнью, вынуждено было оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ и искать прибѣжища и свободы вѣры въ чужихъ предѣлахъ.»

И въ началѣ второй половины XVIII вѣка бѣглыхъ было множество. И причинъ къ бѣгству было также много. Въ первые годы царствованія Екатерины II, графъ Петръ Ив. Панинъ исчислялъ слѣдующія причины побѣговъ въ Польшу: «Обстоятельства, дѣ-

завоюющія донынѣ поползновеніе къ побѣгамъ изъ Россіи въ Польшу, примѣчаются быть слѣдующія: 1) строгость духовенства и разные какъ отъ оныхъ, такъ и отъ свѣтскихъ корыстные градоначальническія приметы къ затвердѣвшимъ людямъ въ раскольничьемъ суевѣрїи; 2) ноборы въ рекруты изъ ближнихъ къ границамъ имѣній, причемъ и заведшее поползновеніе въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія, какъ огорченія, такъ и разоренія остающимся ихъ семьямъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ жоны мужей, а отцы дѣтей своихъ за взятыя на убійство и на всегдашнее отъ нихъ отлученіе. 3) Весьма худое и не только незначительное содержаніе рекрутъ до отправления въ полки, но и случающіяся къ нимъ, какъ по многимъ слѣдствіямъ извѣстно, тягостныя корыстныя приметки, такъ что вмѣсто чтобъ имъ, огорченнымъ людямъ чрезъ отлучку отъ семейства своего, дѣлать всякое къ службѣ приласканіе, нестрашились приметками ихъ обирать и употреблять въ партикулярныя работы, да и въ самыхъ резиденціяхъ зимою прежде рекрутъ набиравали, нежели имъ квартиры приготавливали, слѣдуя обыкновенному порядку полиціи, чтобъ напередъ именной списокъ при доношеніи въ нее вступилъ, а потомъ опредѣленіе и билеты на асигнаціи квартиръ послѣдовали, между тѣмъ же ежедневно въ множествѣ набираемые рекруты принуждены были зимою на дворѣ въ стужѣ, а ночью въ торговыхъ баняхъ въ жару къ новой службѣ приласканіе получать; остающемуся же ихъ семейству было горестнѣйшимъ то зрѣлищемъ и примѣромъ на будущіе для дѣтей ихъ ноборы. 4) Ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходятъ примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ сноспости человѣческой. 5) Возвышеніе цѣнъ безъ уваженія ближняго заграничнаго примѣру соли, безъ коей никто питаться не можетъ, и вино, къ которому полный русскій народъ неотвращенную уже привычку имѣеть; а при пролажѣ первой большія для поселянъ трудности, распространяющіяся до взятокъ; а строгость во взисканіи вольной винной пролажи, употребляемая безъ уваженія же близости границъ, гдѣ въ томъ всякой свободную волю имѣеть. 6) Дыннѣ по великому несчастію распространившееся, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, отъ зловреднаго вкоренившагося лихонмства неправосудіе и нерадѣніе безъ корысти никакимъ общимъ дѣламъ и попеченіямъ. 7) Бывшее употребленіе въ выборѣ городскихъ на-

чальниковъ для пользы посылаемыхъ туда персонъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ градоначальствъ и дѣлъ.»

По такимъ причинамъ много народу бѣжало въ Польшу, въ Австрію и даже въ Турцію. Въ Польшу старообрядцы малороссійскихъ стародубскихъ слободъ часто переводили бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ, казаковъ. Вслѣдствіе указа 14 декабря 1762 года, дозволившаго всѣмъ бѣглымъ за границу безпрепятственно возвращаться на мѣста, отведенныя въ Сибири и на юго-востокъ Великороссіи, — многіе изъ бѣглыхъ, и въ томъ числѣ старообрядцы, выходя изъ Польши и снова пускались въ странствованіе, въ южное заволжье.

Въ августѣ 1772 года, пробирался между толпой бѣглыхъ, изъ-за польской границы бѣглый казакъ, раскольникъ, средняго росту, долголицый, сухощавый; волосы на головѣ русые, борода черная съ просѣдью, глаза каріе, выразительные; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи шрамъ. На вопросъ: кто? онъ назывался раскольниковъ и бывшимъ прежде пензенскимъ купцомъ Емельяномъ Ивановымъ. На пограничномъ форпостѣ онъ заявилъ желаніе идти на Иргизъ: ему дали паспортъ, и велѣли явиться въ симбирской провинціальной канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой находился Иргизъ. Казакъ прошолъ прямо. Тамъ, — гласитъ старообрядческая пѣсня:

Монастырь верхней издавна стоитъ на крутой горѣ
 Во прекрасной ли во пустынюшкѣ; во зеленой во дубровушкѣ,
 Какъ прекрасенъ садъ, при рѣкѣ древа,
 При древахъ этихъ мелки пташечки.
 Они райскія поютъ пѣсенки,
 Утѣшаютъ же они иноковъ монастырскихъ и всѣхъ трудниковъ.
 Что возговорить имъ игумень рѣчь,
 Наставляя всѣхъ ко спасенію:
 Вы отцы святыи соборныи
 Вы послушайте моего гласу,
 Что и надо намъ признаватися,
 Какъ мы жизнь истеряли
 Всю и во многомъ во смятеніи.
 Возведемъ очи свои къ вышнему,
 Подіемъ слезы, какъ источники.
 Мы просить будемъ самого творца,
 Чтобъ наставилъ насъ ко спасенію,
 Онъ управилъ бы жизнь полезную.
 Вы пѣвцы мои златострунные,
 Воспѣвайте пѣсни преславакія какъ архангелы.
 Воспѣвайте, аки громъ гремитъ въ удареніяхъ...
 Мы игумену покоряемся,
 Какъ древа вси преклоняемся

А мы вышли вси во долинушку,
 Во зеленую во дубравушку.
 А мы смотримъ вси во зеленой садъ,
 Какъ при той ли, да при пустынушкѣ, при долинушкѣ,
 Протекла рѣка пребогатая;
 Отъ нея же мы, всѣ питаемся,
 Рыболовствомъ всѣ занимаемся.
 Какъ при той же, да при рѣчушкѣ,
 Молодые всѣ вышли иноки,
 И при правныхъ всѣ при лодочкахъ,
 Рыболовнички всѣ держать неводы.

Это былъ монастырь иргизскій. Бѣдный путникъ въ немъ остановился, и былъ принятъ ласково игуменомъ Филаретомъ, который непреминулъ дать ему наставленіе въ духѣ старообрядства.

Гостя въ монастырѣ иргизскомъ, странникъ ходилъ по окрестнымъ селамъ; особенно часто ходилъ въ мечетную слободу мальковской волости, гдѣ крестьяне были раскольники, и знакомился съ крестьянами. Игуменъ иргизскій и не зналъ, какъ и куда потомъ дѣвался незнакомый пришлецъ.

Любопытно вообще какъ тогда, въ эпоху появленія бѣгуновъ, бѣглые расхаживали по бѣлу-свѣту. Но этотъ бѣглець былъ особенно загадоченъ.

Въ ноябрѣ 1772 года, его видѣли съ раскольникомъ мечетной слободы Семеномъ Филиповымъ, въ яицкомъ городкѣ, въ домѣ отставного казака Дениса Пьянкова. Тутъ разъ хозяинъ спросилъ его, по поводу ходившаго на Яикѣ слуха:

— Что будто бы въ Царицынѣ явился государь Петръ Федоровичъ!

Бѣглый незнакомецъ съ особенно-утвердительнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Это правда, и онъ подлинный царь Петръ Федоровичъ, и хотя его въ Царицынѣ поймали, да онъ ушелъ, а вмѣсто его замутили другого.

— Какъ этому можно статься! Вѣдь Петръ Федоровичъ умеръ! съ сомнѣніемъ возразилъ Пьянковъ.

— Неправда, отвѣчалъ бѣглець: — онъ также спасся и въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьянковъ, опасаясь бѣды, не захотѣлъ дальше любопытствовать, и замолчалъ. Но бѣглець былъ очень заинтересованъ разговоромъ, и послѣ непродолжительнаго молчанія, самъ завелъ такой разговоръ:

— Какъ вамъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно, что вы тершите такое притѣсненіе въ вашихъ привилегіяхъ!

— Чтожь дѣлать-то? отвѣчалъ Пьянковъ: — такъ видно тому и быть.

— Да не лучше ли вамъ выйти съ Яику, заговорилъ бѣглець: — выйти съ Яику въ турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ даю денегъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей.

При этомъ бѣглець прихвастнулъ, что будто у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ товару.

— Если же, прибавилъ онъ: — яицкое войско согласится бѣжать, то изъ своихъ денегъ буду оное коштовать.

Пьянковъ съ сомнѣніемъ возразилъ на это:

— Да гдѣ ты таки деньги возьмешь, и что ты подлинно за человекъ?

— Я, отвѣчалъ бѣглець: — я заграничный торговый! и сталъ дальше говорить на ту же тему:

— Когда вы выйдете за границу, то всѣхъ васъ съ радостью встрѣтитъ турецкій паша: онъ, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходъ, то дастъ еще хоть и до пяти миліоновъ рублей.

Пьянковъ не сталъ дальше слушать, и велѣлъ ему больше не говорить такихъ рѣчей. Отъ Пьянкова бѣглець каждый день ходилъ на базаръ, и все толковалъ что-то съ народомъ.

Потомъ, въ іюнь мѣсяцѣ 1773 года, видѣли этого таинственнаго бѣглеца, какъ пробирался онъ ужъ изъ тюрьмы казанской на Узени, въ Камышь-Самору. Мѣсто это тогда было непроходимое: кругомъ лѣсъ, а въ лѣсу трясины и болота. Тутъ скрывались бѣглецы. Тутъ и вокругъ незнакомаго бѣглеца собралось человекъ семь бѣглыхъ казаковъ, да семь же человекъ раскольниковыхъ старцевъ. Тутъ они держали совѣтъ, склонить на свою сторону яицкихъ казаковъ, вовремя плавки рыбы, и съ помощью ихъ взять яицкій городокъ, побить всѣхъ старшинъ и потомъ идти на Оренбургъ...

Затѣмъ видѣли незнакомаго бѣглеца въ половинѣ іюля: онъ ѣхалъ въ Жаловицкій уметъ, отстоящій отъ яицкаго городка въ 50-ти или 60-ти верстахъ, ѣхалъ одинъ въ кибиткѣ, запряженной парой лошадей, въ мужичьемъ платьѣ; при немъ было ружье, котелъ мѣдный и мѣшечекъ съ слобными лепешками. По приѣздѣ въ уметъ, содержателю его, пахатному солдату симбирскаго уѣзда, Степану Максиму Оболяеву, по народному прозванью — Еремивой-курицѣ, онъ сказался пензенскимъ купцомъ Иваномъ Ивановымъ: «былъ де онъ въ яицкомъ городкѣ за покупкой рыбы, и тамъ оставя свой обозъ, велѣлъ оному за собой ѣхать, а самъ напередъ поѣхалъ было въ Пензу, но на дорогѣ лошадь взбѣсилась,

разбили телѣгу»; а потому и просилъ уметчика пробить у него, пока дождется свой обозъ, общая ему за то заплатитъ. Уметчикъ пустилъ пожить. Бѣглый незнакомецъ принялся за прѣмысль: сталъ стрѣлять по степи сайгановъ, и ими самъ питался и кормилъ уметчика. Уметчикъ былъ ралъ жильцу промышленному, особенно когда увидѣлъ, что жилецъ старообрядецъ, — крестится двуперстнымъ знаменіемъ. Такъ недѣлю пробылъ бѣглый незнакомецъ у уметчика, высматривалъ, да выпытывалъ его, не переметчикъ ли. Черезъ недѣлю онъ наконецъ рѣшился откровеннѣе заговорить съ нимъ:

— Что ты, Степанъ Максимычъ, знаешь: вѣдь я тебя обманулъ, что сказался пензенскимъ купцомъ, а я вѣдь не купецъ, но дубовскій казакъ, и не Иваномъ меня зовутъ, а Петромъ Ивановымъ.

Уметчикъ Еремина-курица почти и не обратилъ вниманія на эти слова жильца, а заботился главнымъ образомъ объ обозѣ, считывая вѣроятно поживиться отъ него.

— Такъ поэтому ты и объ обозѣ-то солгалъ? только и спросилъ онъ.

Ловкій бѣглецъ, смекнувъ тотчасъ корыстолюбіе уметчика, и не желая вдругъ оказаться обманщикомъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это я не солгалъ, а правда: я на сихъ дняхъ его сюда ожидаю.

Уметчикъ Еремина-курица этому и повѣрилъ, и обходился съ жильцомъ дружно. А этотъ, узнавши простоту его и снисходительность къ бѣглецамъ, рѣшился наконецъ открыть ему свой замыселъ. Черезъ двѣ недѣли, по пріѣздѣ, былъ онъ въ банѣ съ хозяиномъ, и послѣ бани, заведя разговоръ стороною, спросилъ уметчика:

— Что, Степанъ Максимычъ, давеча ты былъ со мной въ банѣ, примѣтилъ ли ты на мнѣ царскіе знаки?

А уметчикъ съ усмѣшкой и равнодушно отвѣчалъ:

— Какіе знаки? я ихъ отроду нетолько невидывалъ, да и не слыхивалъ.

Бѣглецъ теперь совсѣмъ убѣдился, что простотѣ-уметчику можно все говорить.

— Этакая ты простая курица, сказалъ онъ: — ужъ царскихъ знаковъ неслыхивалъ! я тебѣ ихъ когда-нибудь при ялицкихъ казакахъ покажу.

— Чтоже это, Петръ Ивановичъ, спросилъ тутъ уметчикъ, затронутый вѣскольکو любопытствомъ: — кчему ты это говоришь? какии на тебѣ быть царскимъ знакамъ?

— Эдакой ты безумный, отвѣчалъ бѣглецъ: — ужъ того-то не

догадался, к чему я это говорю! Вѣдь я не купецъ и не казакъ, такъ какъ тебѣ сказанъ, а государь вашъ Петръ Федоровичъ!

Тутъ уметчикъ Еремина-курица испугался, что онъ принималъ жильца за протого человѣка, однакожь осмѣлился еще спросить:

— Да какъ же это я слышалъ, что государь померъ?

— Врешь, сказалъ бѣглець: — Петръ Федоровичъ живъ, а не умеръ: ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я былъ за моремъ и пріѣхалъ въ Россію прошедшаго года. И услыша, что яцкіе казаки приведены всѣ въ разоренье, такъ нарочно для нихъ я сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, если Богъ допуститъ, опять вступить на царство.

Уметчикъ тутъ сталъ кланяться и просить прощенья, что обращался съ нимъ попросту. Спустя нѣсколько дней, къ уметчику пріѣхалъ знакомый казакъ, Закладновъ, попросить лошади. Когда Закладновъ сѣлалъ за плетнемъ лошадь, уметчикъ подошелъ къ нему, и указывая на бѣглеца, который виднѣлся изъ сарая, спросилъ полушопотомъ:

— Что, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ? какой онъ человѣкъ?

— Почему я могу знать что онъ за человѣкъ, отвѣчалъ Закладновъ.

— Вишь, объяснялъ дальше уметчикъ съ какою-то таинственною торжественностью: — вишь это государь Петръ Федоровичъ. Онъ говоритъ, что имѣетъ на себѣ царскіе знаки и нарочно сюда на выручку къ вамъ пріѣхалъ. Онъ приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты открывалъ о немъ войсковою руки надежнымъ казакамъ.

Закладновъ содрогнулся. Тутъ бѣглець-самозванецъ вышелъ изъ сарая и сказалъ самъ уже Закладнову:

— Что, Гриша, слышалъ ты отъ Ереминой-курицы обо мнѣ?

— Слышалъ, государь! поклонясь отвѣчалъ Закладновъ.

— Ну смотри же, Гриша, говорилъ бѣглый самозванецъ: — рассказывай обо мнѣ дома надежнымъ людямъ войсковою руки, да смотри объясвай по тайности, такъ чтобы и жены ваши не знали, и берегитесь старшинской руки, чтобы какъ не провѣдали обо мнѣ. Пришли ко мнѣ сюда отъ войска человѣкъ двухъ нарочитыхъ людей: я съ ними поговорю и скажу имъ, что надо сдѣлать.

Накормя Закладного на дорогу завтракомъ, самозванецъ еще разъ провожая его сказалъ:

— Смотри же, Гриша, не забудь, пришли ко мнѣ казаковъ, и самъ съ ними пріѣзжай. Да проворь скорѣе!

— Хорошо, сударь, слышу! отвѣчалъ Закладновъ, и взялся за пропаганду пугачевщины.

Такіе между прочимъ бѣглецы скрывались въ прошломъ вѣкѣ въ массѣ бѣглыхъ, и потомъ мало-помалу выдвигались на отчаянные подвиги или самозванства, или разбойничества, или религиозно-политической пропаганды. И вотъ какъ выдвинулся изъ толпы такихъ бѣглецовъ, прошолъ черезъ скиты старообрядческіе знаменитый бѣглый казакъ зимовейской станицы, раскольникъ вѣтковской и иргизской, *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*. И съ какимъ демократическимъ тактомъ началъ онъ свое отчаянное дѣло! Изъ Польши, откуда вышелъ и первый самозванецъ, идетъ онъ прямо въ приуральское заволжье, въ этотъ необъятный, вѣковой притонъ, омутъ сброднаго народа, куда стекались въ XVIII вѣкѣ самые отчаянные бѣглые, послѣдніе вольные, гулящіе и голутвенные люди цика и закалу Стеньки Разина, гдѣ скоплялись всѣ элементы, вся накупъ, наболь народнаго недовольства, и раскольникы, и крѣпостного, и заводскаго и проч. Бѣглецъ съ могучей натурой идетъ къ своимъ же сброднымъ бѣглецамъ, къ лицамъ казакамъ, въ которыхъ тоже еще не охладѣлъ закалъ Стеньки Разина, закалъ, поддерживаемый теперь еще расколомъ. Давно эти сбродные, удалые, буйные молодцы старой повольничьей, ушкуйничьей породы сбѣжались на Яикъ. Сначала они тоже, подобно вольницамъ, дружинамъ Ярмага Тимофѣича или Степана Разина, удалствомъ и разбойни промышляли по Каспійскому морю и по Волгѣ. Потомъ, натѣшившись вдоволь удалыми разбойни, въ волю нагулявшись по широкому раздолью степи саратовской, по Волгѣ и морю, рѣшились наконецъ основать вольную осѣдлую общину: «собрался учинили совѣтъ» и предались подъ власть Россіи при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ. Имъ дана была «жалованная грамота на рѣку Яикъ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими угоди отъ вершинъ той рѣки до устья». Они набрались бѣглыми всякаго рода, вольными, гулящими людьми и образовали военно-демократическую общину. Демократическая воля въ нихъ до того была сильна, необуздана, что съ 1721 года, когда они подчинены были вѣдѣнію военной коллегіи, до 1770 года, они непрерывно вели открытую, неуступную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства. Борьба эта достигла высшей степени разгара, когда въ яицкій городокъ пришолъ Пугачевъ. Казаки раздѣлились тогда на двѣ партіи: на *несогласныхъ* или казаковъ *войсковой руки*, и на *согласныхъ* т. е. сторонниковъ старшинъ и правительства или *старшинной руки*. Пугачевъ сразу понялъ силу и значеніе первой чисто-демократической партіи, и съ нею-то пошолъ въ походъ. И зашевелился, задвигался весь юго-восточный край имперіи, зашевелились русскіе и инородцы, затряслось все южное приволжье и заволжье, затряслись уральскіе

заводы и зауральская Сибирь. Полетѣли возмутительныя листы, манифесты, не многоглаголивно-краснорѣчивые, а затрогивающіе самое сердце и всѣ вѣковые помыслы, желанія и ожиданія народа: «дарю волей и землей, и рѣкой, и травами, и морями, и хлѣбнымъ провіантомъ, и крестомъ, и бороною, и свинцомъ и порохомъ». И слова эти, какъ самая горячая, пламенная искра, просто произвели пожаръ въ сердцахъ народныхъ. И пламя пугачевщины пылало. Крѣпостныя, тяжко-податныя, рабски-служебныя, тяжко-чернорабочія основы имперіи заколебались. А буйныя, давшіе волю физической силѣ казаки говорили: «то ли еще будетъ, такъ ли еще тряхнемъ Москвою» т. е. государствомъ. И ужаснулось правительство. «Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится!» говорила Екатерина. «Зло превелико, ужасно», писалъ ей Бибииковъ: «ухъ дурно!.. Не Пугачевъ важенъ и не вѣры казаки, а *важно общее недовѣаніе.*»

Въ самый разгаръ пугачевщины разъ стоялъ въ Москвѣ на часахъ молодой солдатъ, и пѣлъ такую пѣсню:

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
 Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
 Слава добрая, нарѣчье хорошее,
 Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, на жолтымъ пескѣ,
 На жолтымъ пескѣ, разсыпчатымъ,
 На трехъ рѣчущкахъ, да на устьицахъ.
 Да первая рѣчущка течетъ Самарушка.
 Другая рѣчущка — Яикъ рѣка,
 Третья рѣчущка — Уралъ рѣка.
 По Уралѣ рѣкѣ живутъ казаченьки,
 По Самарушкѣ живутъ татарушки,
По Уралу гулялъ генералъ-Пугачъ.
 Какъ во матушкѣ было во каменной-Москвѣ,
 Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
 «Не дають-то мнѣ, доброму молодцу,
 Волюшку во Ленбурхъ сходить,
 Во Ленбурхъ сходить, *Пугача убить.*»

Но въ то время, какъ этотъ солдатъ, вѣрный царю и отечеству до капли крови, или просто жаждавшій только дать волюшку, разгуль молодецкой силѣ, удали, съ такимъ порывомъ зариса Пугача убить, въ то самое время толпы солдатъ убѣгали съ часовой службы, изъ полковъ, даже изъ крѣпкихъ тюремъ. Издавна, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началась въ Россіи рекрутчина, скиты и слободы старообрядческія, глухія провинціальныя захоластья, даже помѣщичья имѣнія наполнены были бѣглыми солдатами и рекру-

тамъ. Полное собраніе законовъ первой половины и особенно первой четверти XVIII вѣка наполнено указами о бѣглыхъ солдатахъ и рекрутахъ. Въ первой четверти прошлаго столѣтія изъ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ и рекрутъ образовались многочисленныя «вооруженныя компаніи», къ которымъ приставали бѣглые и крѣпостные люди. Солдатъ по сто, по двѣсти и больше, верхама, съ ружьями, въ регулярномъ порядкѣ разъѣзжали по многимъ уѣздамъ и грабали помѣщичьи имѣнья. Лѣса наполнены были большими скопищами бѣглыхъ солдатъ, гдѣ они приставали иногда и къ «разбойничьимъ компаніямъ». Тамъ, въ темной чащѣ лѣсовъ, свѣтились по ночамъ огни: вокругъ нихъ сидѣли солдаты бѣглые, безпашпортные. Или собирались они, «сходились на полянушку, на широкую». И старая, гремучая, завѣщанная бойцами Стеньки Разина пѣсня раздавалась по лѣсамъ :

• Ты взойди-ко, взойди солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Солдатъ бѣглыхъ, безпашпортныхъ».

А. ЩАПОВЪ